

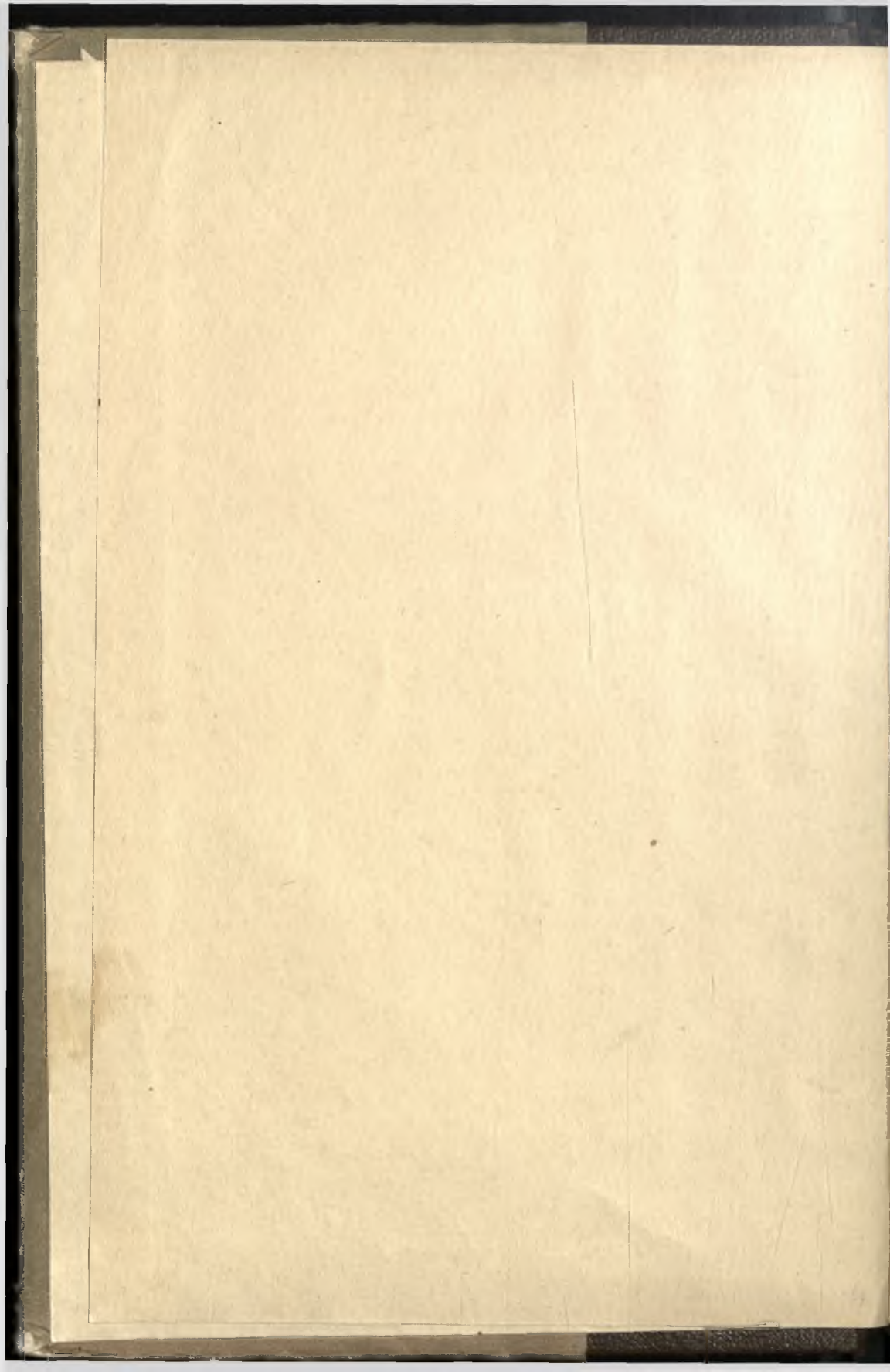
902-7
С 16

К.В. Сальников

**ДРЕВНЕЙШИЕ
ПАМЯТНИКИ
ИСТОРИИ
УРАЛА**

12+

*Свердловское Областное
Государственное Издательство
1952*

✓
К. В. САЛЬНИКОВ
Кандидат исторических наук

902.7
с 16
А

ДРЕВНЕЙШИЕ ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ УРАЛА

014384 горский
+

Красноуральская
центральная библиотека

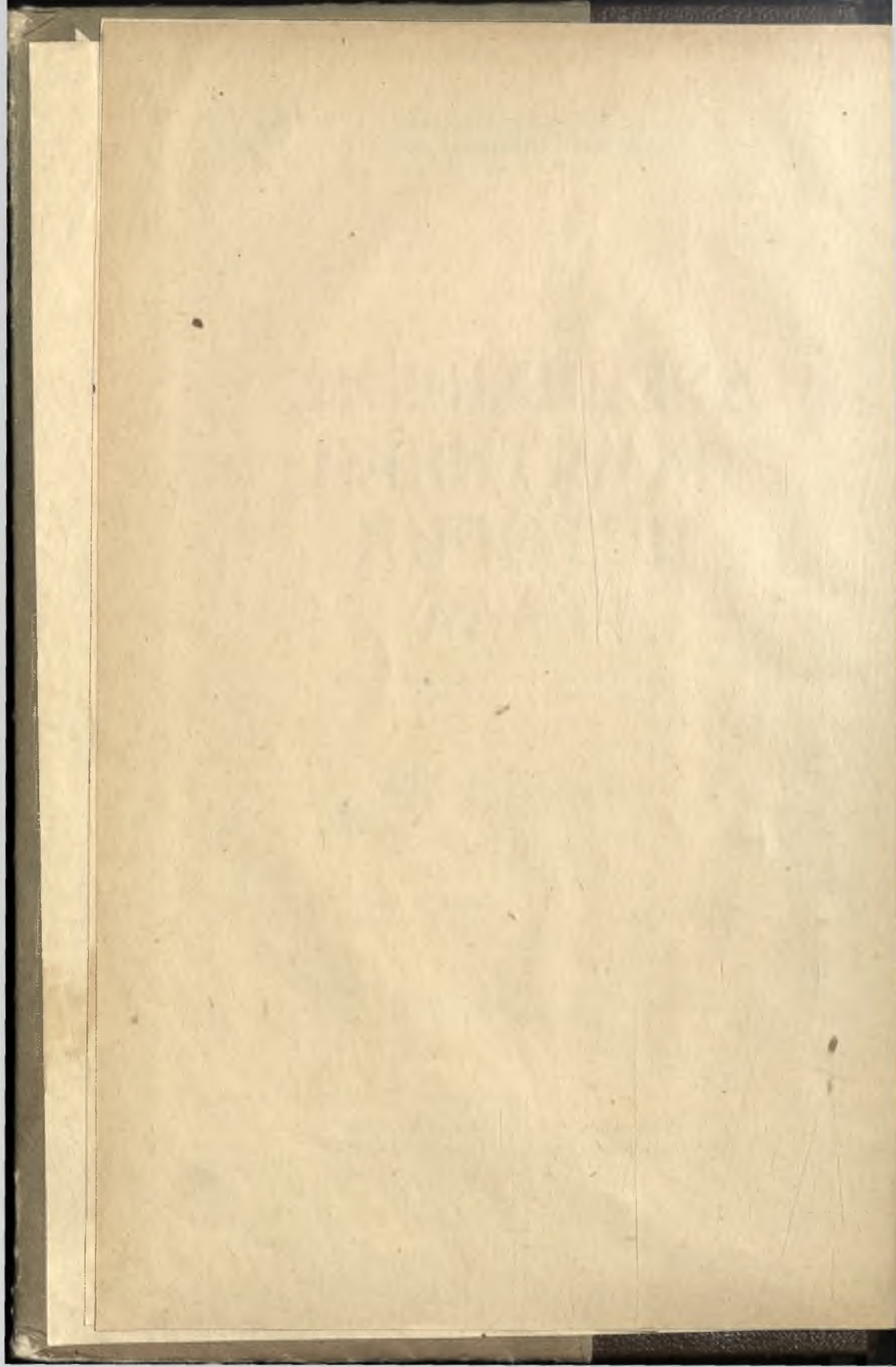
_____ 19 г

№

г. Красноуральск Свердловской области

✓
Свердловское Областное
Государственное Издательство
1952

А

ПРЕДИСЛОВИЕ

Самая передовая в мире советская наука, вооруженная могучей теорией марксизма-ленинизма, развивает и обогащает накопленные человечеством знания. Она проникает в тайны природы, она изучает законы развития общества на всем многотысячелетнем пути истории человечества.

«...Седая древность» при всех обстоятельствах останется для всех будущих поколений необычайно интересной эпохой, потому что она образует основу всего позднейшего более высокого развития, потому что она имеет своим исходным пунктом выделение человека из животного царства, а своим содержанием — преодоление таких трудностей, которые никогда уже не встретятся будущим ассоциированным людям»¹.

Эту «седую древность» — раннюю историю народов, населяющих нашу страну, изучает особая историческая наука — археология. Археологические исследования ведутся специальными научными организациями, университетами, музеями. Ежегодно государством отпускаются крупные ассигнования на археологические экспедиции, которые снаряжаются для обследования и раскопок памятников древности. Предметы древности обнаруживаются и случайно во время различных земляных работ, распашки новых площадей. Они обогащают собрания местных музеев, привлекают к себе внимание краеведов.

Неизмеримо выросший за советский период культурный уровень трудящихся масс породил огромную тягу к знанию, стремление изучить прошлое своего края.

Героическое прошлое народов нашей страны, прошедших славный исторический путь, вызывает вполне законный интерес со стороны самых широких масс. Велик интерес и к тем отдаленным историческим эпохам, когда человечество делало свои первые шаги, когда не сложились еще ныне живущие народы, а обитали их далекие первобытные предки.

Урал славен не только всевозможными горными богатствами, его недра хранят и многочисленные следы пребывания, жизни и производственной деятельности наших отдаленных предшественников.

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1950, стр. 109.

Настоящая книга имеет целью познакомить читателя с этими археологическими памятниками Урала и теми чертами этапов исторического развития древних племен и народов Урала, которые можно проследить на основании изучения данных археологии.

В задачу книги не входит приведение полного перечня и описания всех археологических памятников Урала. Не претендует она и на всестороннее освещение исторического процесса древнего населения Урала, а знакомит с основными историческими этапами, пройденными племенами и народами Урала в глубокой древности, в той мере, в какой это можно сделать на основании накопленных археологических материалов.

Широкие массы трудящихся, в первую очередь краеведы, комсомольцы, студенты, школьники являются в деле археологического изучения нашей страны активными помощниками специалистов-археологов. Археологические памятники в большом количестве разбросаны по необъятным просторам нашей Родины, предметы древности тысячами попадают в руки случайных людей, которые зачастую лишены возможности определить их значение и научную ценность.

Помочь распознать в случайно найденном предмете произведение далеких наших предков, определить его назначение и время бытования — вторая задача настоящей книги.

С этой целью в книге приведены рисунки наиболее типичных для каждой эпохи вещей.

Советское правительство рассматривает археологические памятники, имеющие огромное научное значение для изучения древней истории народов, населяющих нашу Родину, как общенародное государственное достояние.

Постановление Совета Министров СССР от 14 октября 1948 года «О мерах улучшения охраны памятников культуры» предусматривает организацию учета и охраны памятников археологии.

На отделы культурно-просветительной работы областных и районных Советов депутатов трудящихся постановлением Совета Министров СССР возложена ответственная обязанность учесть памятники культуры и организовать их охрану. Обязанностью каждого советского гражданина является предупредить самовольные раскопки археологических памятников, приводящие к порче и гибели памятников.

К археологическим раскопкам допускаются только люди, специально подготовленные, имеющие разрешение от Академии наук СССР. Но выявление памятников древности, организация их учета и охраны не только может, но должна производиться при помощи широкого актива культурных сил на местах: краеведов, музейных работников, учителя, учащихся, так как сил специалистов для осуществления этой важной задачи недостаточно.

Наша книга поможет краеведам установить наличие археологических памятников в районе и области и принять меры к их охране.

АРХЕОЛОГИЯ, КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

Сталинский Урал населен русскими и украинцами, башкирами и казахами, манси и хантами и другими советскими народами.

Исторические письменные источники рассказывают нам, что русские и украинцы — сравнительно новые пришельцы на Урале, они заселили этот район нашей страны всего несколько сот лет назад. О времени появления на Урале других народов нет никаких письменных сведений. История возникновения поселений башкир, казахов, манси, хантов на Урале уходит в глубину веков. Увлекательная задача науки — разыскать корни, от которых ведут свое происхождение уральские народы.

Как далеко в глубине времени нужно искать эти корни, как давно сформировались народы Урала? Помехой в решении этого сложного вопроса долгое время служило вредное влияние псевдомарксистской теории Марра, под которое попали некоторые археологи. Вульгаризатор марксизма Марр уводил внимание исследователей в ложное русло, утверждая, что современные народы — образование новое. Его «учение» преграждало археологам путь к поискам древних предков народов, населяющих нашу страну.

Гениальный труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» помог археологам выйти из тупика, в который их ставило «учение» Марра. На вопрос о том, как далеко в глубины тысячелетий уходят корни современных народов, товарищ Сталин дает ясный и исчерпывающий ответ: «Надо полагать, что элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства»¹.

Эпохе рабства — эпохе рабовладельческого строя предшествовала самая древняя эпоха, самая древняя общественно-

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Москва, 1950, стр. 22.

экономическая формация — первобытно-общинный строй. Следовательно еще в среде первобытных обитателей Урала мы должны разыскивать предков современных народов. Письменные памятники не могут служить главным источником для решения этой задачи. Они слишком малочисленны, отрывочны и охватывают совсем незначительный отрезок времени, определяющийся несколькими сотнями лет.

Между тем в распоряжении науки имеются многочисленные документальные доказательства обитаемости Урала в течение десятков тысяч лет.

Этими неписанными документами служат так называемые археологические памятники — все те бесчисленные и разнообразные вещественные остатки жизни древних людей, которые сохранились в толще земли от далекого прошлого. Сюда относятся следы древних поселений, древние могилы, места первобытной разработки горных богатств, пункты, где совершались моления и жертвоприношения богам. Сюда относятся отбросы пищи — кости съеденных древними людьми диких и домашних животных. Сюда относятся многочисленные и разнообразные предметы материальной культуры: орудия труда, оружие, предметы быта, украшения, остатки одежды и т. п., которые обнаруживаются на поселениях, в могилах, на местах производственной деятельности людей. Все это составляет вещественные исторические источники, памятники археологии.

Насколько ценны эти остатки, — предметы материальной культуры для дела восстановления далекого исторического прошлого человечества? О чем они могут рассказать?

Вещественные исторические источники, за исключением редких случаев, не могут поведать нам имен выдающихся людей древности, рассказать о конкретных событиях. Но от этого они не перестают быть историческими источниками.

Советские историки и археологи в своей исследовательской работе руководствуются указанием товарища Сталина, что «...историческая наука если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов»¹.

Историю же производителей материальных благ, историю общества памятники материальной культуры дают возможность изучить со всей полнотой, так как они отражают условия материальной жизни общества, а «каковы условия материальной жизни общества, — таковы его идеи, теории, политические взгляды, политические учреждения»².

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 552.

² И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 545.

Археологические памятники отражают способ добывания средств к жизни, способ производства материальных благ, а способ производства материальных благ есть «та главная сила в системе условий материальной жизни общества, которая определяет физиономию общества, характер общественного строя, развитие общества от одного строя к другому»¹.

Особо важную роль в составе археологических материалов играют орудия труда, которые наиболее ярко отражают уровень развития производительных сил общества.

«Таковую же важность, как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда² имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций... Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»³.

Производство «никогда не застревает на долгий период на одной точке и находится всегда в состоянии изменения и развития»⁴, причем «его изменения и развитие начинаются всегда с изменений и развития производительных сил, прежде всего — с изменений и развития орудий производства»⁵.

Археология, прослеживая развитие в первую очередь орудий производства, устанавливает развитие и изменение способа добывания средств к жизни, способа производства материальных благ, так как «экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда»⁶. Вместе с тем изучается развитие общества в целом, потому что «изменения в способе производства неизбежно вызывают изменение всего общественного строя, общественных идей, политических взглядов, политических учреждений, — вызывает перестройку всего общественного и политического уклада»⁷.

Основа советской археологической науки в корне противоположна идейно-теоретической основе буржуазной археологии. Учение марксизма-ленинизма о закономерности общественного развития органически враждебно буржуазной идеологии. Отрицая объективные исторические закономерности, буржуазные археологи не видят путей к восстановлению картин прошлого. Различные явления и предметы материальной культуры рассматриваются ими как творения тех или иных рас. А крупные изменения в материальной культуре объясняются во всех случаях миграциями, переселениями, заимствованиями. Творцами высокой культуры объявляются представители «высших» рас —

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 550.

² Под «средствами труда» К. Маркс имеет ввиду здесь главным образом орудия производства.

³ К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 187.

⁴ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 551.

⁵ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 552.

⁶ К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 187.

⁷ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 551.

предки населения современных империалистических стран, а основной массе человечества отказывается в праве на активное участие в историческом процессе. Буржуазная археология поставлена на службу интересам империалистов. Различными фальсификациями буржуазные археологи пытаются оправдать притязания империалистов на захват чужих территорий.

Американские реакционные археологи протаскивают в древность и идеи космополитизма. Они требуют отказа от изучения местных культур, которые отражают особенности исторического развития отдельных племен и народов, и призывают изучать мифическую единую «мировую культуру». Такая постановка вопроса лишает отдельные народы права на собственную историю.

Советская археология изучает прошлое человечества по вещественным историческим источникам. Она является составной частью исторической науки. Вооруженные мощным оружием — теорией марксизма-ленинизма, советские археологи успешно решают сложные проблемы древней истории отдельных народов. Труды советских археологов не только углубили историю нашей Родины на многие тысячелетия, но всем в прошлом бесписьменным народам окраин царской России помогли создать их историю.

Археологические вещественные памятники, являясь полноценными историческими источниками, позволяют проследить ступени общественного развития первобытных племен Урала.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ УРАЛА

Мы уже говорили, что археологическими памятниками называются все многообразные следы пребывания на данной территории древнего человека, которые сохранились в большинстве случаев в толще земли, а иногда и на поверхности. В одних случаях эти остатки являются результатом обитания в данном пункте какой-то группы людей. Это — остатки различного рода поселений. В других случаях памятник представляет собой отдельную могилу или целую группу их, отмеченную какими-нибудь внешними признаками: надмогильными насыпями, оградками из камней, каменными плитами или столбами. Редкую категорию археологических памятников составляют следы производственной деятельности человека, преимущественно места древних горных разработок. Немногочисленна и следующая группа — священные, культовые места, где отправлялись различные обряды, приносились жертвы богам.

Археологическим памятником является всякий отдельный единичный древний предмет, в каких бы условиях он ни был найден. Если отдельный предмет происходит с поселения или из погребения, то он представляет собою составную часть этих коллективных памятников. Если же древний предмет найден вне связи с другими, является случайной находкой, он расценивается как самостоятельный памятник. Это может быть орудие труда, оружие, предметы быта, украшений и т. п.

Различные виды археологических памятников для изучения истории древнего населения Урала имеют не одинаковое значение. Наиболее содержательными и вместе с тем самыми распространенными являются разнообразное места поселений и погребальные памятники. Для освещения отдельных отраслей производственной деятельности исключительно ценны остатки рудных разработок, мастерские по изготовлению орудий. Идеология древнего общества рисуется особенно полно по культовым, священным местам.

предки населения современных империалистических стран, а основной массе человечества отказывается в праве на активное участие в историческом процессе. Буржуазная археология поставлена на службу интересам империалистов. Различными фальсификациями буржуазные археологи пытаются оправдать притязания империалистов на захват чужих территорий.

Американские реакционные археологи протаскивают в древность и идеи космополитизма. Они требуют отказа от изучения местных культур, которые отражают особенности исторического развития отдельных племен и народов, и призывают изучать мифическую единую «мировую культуру». Такая постановка вопроса лишает отдельные народы права на собственную историю.

Советская археология изучает прошлое человечества по вещественным историческим источникам. Она является составной частью исторической науки. Вооруженные мощным оружием — теорией марксизма-ленинизма, советские археологи успешно решают сложные проблемы древней истории отдельных народов. Труды советских археологов не только углубили историю нашей Родины на многие тысячелетия, но всем в прошлом бесписьменным народам окраин царской России помогли создать их историю.

Археологические вещественные памятники, являясь полноценными историческими источниками, позволяют проследить ступени общественного развития первобытных племен Урала.

Культурный слой служит первым и надежным доказательством наличия в данном пункте древнего поселения. По ряду признаков выделяются несколько типов поселений: стоянки, селища, городища, обитаемые пещеры.

Стоянками обычно называют наиболее ранние места поселений, относящиеся к каменному веку. Иногда этим термином обозначают поселения и бронзового века.

Селище — следы поселения эпохи бронзы и железа.

Некоторые стоянки образовались в результате кратковременного, сезонного пребывания группы охотников или рыболовов. На таких стоянках кроме отдельных предметов и костей употребленных в пищу животных можно обнаружить лишь кострища — следы костров. Но большинство стоянок и все селища служили местом постоянного обитания людей в течение продолжительного времени. На них мы находим следы жилищ. Жилища, сооружаемые на поверхности земли, трудно обнаружить через тысячи лет. Они оставляют после себя слишком незначительные следы или вовсе их не оставляют. Но к счастью для науки древние люди сооружали жилища, особенно зимние, углубляя их хотя бы не на много в землю. Землянки и полуземлянки хорошо прослеживаются на постоянных стоянках и селищах.

Древние поселения, как правило, располагались по берегам рек или озер. Нередко сейчас их территория размывается рекой и в обрыве подмываемого берега становится хорошо видимым культурный слой. Если же линия обрыва проходит через землянку, то последняя заметна, как более или менее прямоугольное темное пятно, вдающееся в нижележащий слой цветного грунта — песка или глины. На непаханой девственной степи следы жилищ на древних поселениях часто сохраняются в форме характерных мелких углублений — впадин. Иногда жилищное пятно в обрыве или впадина на поверхности степи оказываются очень больших размеров. Огромные размеры жилищ типичны для эпохи первобытно-общинного строя. Некоторые из них достигают площади 300—400 квадратных метров. Обитателями таких жилищ были крупные первобытные общины.

Поскольку обязательным признаком всякого поселения служит наличие культурного слоя, то древние стоянки и селища обычно обнаруживаются по обнажающимся в береговом обрыве костям, черепкам, углю, слоям золы. В большинстве случаев эти находки залегают в почве, на глубине 40—50, а иногда менее 20 сантиметров. Для стоянок глубокой древности, время существования которых определяется в несколько десятков тысяч лет, характерно залегание культурного слоя в глинистых отложениях на глубине в несколько метров.

Пещеры, которыми богаты некоторые районы Урала, часто использовались в древности как приготовленные самой природой жилища. В ряде пещер на Урале обнаружены самые древние стоянки, относящиеся к эпохе древнекаменного века. Куль-

турный слой такой древности, исчисляемой десятками тысяч лет, залегает в пещерах на большой глубине под обломками и целыми глыбами камней, обвалившихся с потолка и стен пещер.

Жили в пещерах и в более позднее, сравнительно недавнее время. Культурный слой в этих случаях залегает близко от поверхности.

Далеко не все пещеры были обитаемы, далеко не каждая пещера может рассматриваться как археологический памятник. Но все пещеры должны учитываться для выявления в них признаков обитания древнего человека.

Городище — вид археологических памятников, который легко бросается в глаза. Обычно каждое городище хорошо известно местным жителям. Основное отличие городища от стоянки и селища заключается в том, что на городищах имеются защитные сооружения в виде валов и рвов. Городище — это укрепленное древнее поселение, окруженное рвом и земляным, а иногда и каменным валом или несколькими рядами валов и рвов. Часто на площади за валами и рвами видны впадины и ямы — следы землянок или полуземлянок. Остатки жилищ могут быть и за пределами защитных сооружений.

Валы уральских городищ не отличаются большими размерами. Они редко достигают высоты, превышающей один метр, иногда же валы едва заметны, и на городище прежде всего бросается в глаза ров. В последнем случае в основу защиты были, очевидно, положены какие-то деревянные ограждения, до нас не дошедшие. Преследуя цель — обеспечить защиту своего поселка от нападения извне, жители городища выбирали наиболее удобные для обороны участки. Городища располагались на речных высоких мысах, где с двух сторон доступ на поселение преграждали естественные обрывы, и лишь с третьей стороны необходимы были искусственные защитные сооружения. Если не было мысов, городище строилось на обрывистом берегу. В этом случае вал и ров приобретали форму полуокружности или изогнутой ломаной линии. Встречаются городища круглой формы или в форме многоугольника; они устраивались на высоких площадках, не защищенных естественными препятствиями.

Погребальные сооружения

Весьма распространенным типом археологических памятников являются разнородные погребальные сооружения. Они представляют большой интерес для изучения древней истории соответствующей территории по ряду причин. Древние племена под влиянием религиозных представлений о существовании якобы иного, загробного мира, куда переселяются умершие люди, снабжали своих покойников различными вещами. Эти вещи должны были служить умершим в загробном мире. Вот почему при раскопках древних могил обычно вместе с костяком человека обна-

руживаются орудия труда, предметы украшений, оружие, бытовой инвентарь, в первую очередь посуда, а также кости животных — остатки пищи, положенной покойнику. Таким образом, по могильным находкам и сооружениям мы можем восстановить религиозные представления того или иного племени о загробном мире и получить немалый набор предметов для суждения о хозяйственной деятельности и быте. Сами кости людей, сохранившиеся в могилах, также служат объектом изучения. Они поступают в распоряжение антропологов, которые устанавливают по костякам тип населения данной территории в ту или иную эпоху, прослеживают переселения древних племен.

Рис. 1. Курган у села Федоровка близ Челябинска.

Существовало много способов погребения, по-разному отмечались могилы и на поверхности.

Курганы — наиболее часто встречающаяся форма погребального сооружения. Они характерны для южных степных районов Приуралья и Зауралья. Курган представляет собой земляной искусственный холмик или насыпь над могилой или рядом могил (рис. 1). Встречаются курганы, насыпанные не из земли, а из небольших кусков камня — каменные курганы. Известны курганы, достигающие высоты 20 метров, но таких грандиозных надмогильных сооружений немного. Обычно курганы редко превышают один метр. Чаще встречаются совсем незначительные по высоте насыпи (30—40 сантиметров). Но зато площадь, покрытая насыпью кургана, достигает больших размеров. Наши приуральские степные курганы имеют диаметр от 8 до 25 метров. Невысокие, они выглядят поэтому, как плоские лепешкообразные возвышения, едва заметные для неопытного глаза.

Курганы располагаются как поодиночке, так и целыми группами, образуя кладбища или могильники, в которых число насыпей достигает нескольких десятков.

Под каждой курганной насыпью может находиться самое различное число погребений — от одного до нескольких десятков. И относиться они могут или к одной эпохе или к нескольким различным эпохам. Отсюда возможно и неодинаковое устройство могильных ям в кургане и расположение их на различной глубине. Нередко погребения обнаруживаются в самой земляной насыпи кургана.

Каменные кольца — другая форма надмогильных сооружений, типичная для степных районов. Под каменными кольцами понимаются круглые оградки из каменных плит или глыб, которыми окружена могила. Иногда внутри такой оградки заметна небольшая насыпь, курганчик, но чаще могила опознается только по каменному кольцу, а другие наружные признаки отсутствуют. Для каменных колец характерна их группировка в могильники, число колец в которых превышает иногда сотню.

Каменные площадки — овальные небольшие вымостки из некрупных камней на ровной поверхности или едва заметном возвышении. Каменная площадка скрывает под собой могилу.

Могильники бескурганные, лишенные каких бы то ни было внешних признаков, выделяются в особый вид памятников. В древности над могилами, входящими в состав такого памятника, кроме незначительных холмиков того типа, что видим мы на современных кладбищах, ничего не было. В течение сотен и тысяч лет эти холмики сделались незаметными. И сейчас с каждым годом образуются новые, лишенные внешних признаков могильники. Распашка новых площадей, в особенности тракторами, за последние десятилетия приводит к растаскиванию курганных насыпей, к их уничтожению. И группа курганов превращается в бескурганный могильник, который можно обнаружить лишь случайно. Правда, первое время на месте распаханного кургана заметно благодаря примеси грунта в насыпи более светлое пятно, хорошо выделяющееся на черном фоне пахоты, но и оно через ряд лет сливается с окружающим полем.

Отдельные погребения встречаются в самых необычных местах: на поселениях, среди жилищ, в пещерах и т. п.

Другие виды археологических памятников

Древние рудники. Богатства недр Урала начали разрабатываться еще в далекие первобытные времена. К сожалению, древнее горное дело на Урале по сохранившимся его следам пока специально не изучалось. Все же известно некоторое число древних медных рудников. Они выглядят или в виде заросших, задернованных больших котлованов до 40 метров в диаметре или в форме ряда маленьких ям, траншей, иногда с подбоем под

стенку в ту сторону, куда уходит рудоносный слой. На поздних этапах развития первобытного общества существовали и более глубокие шахты, с горизонтальными штольнями.

Древние рудники встречаются нередко в районах Урала, в которых в настоящее время горнодобывающая промышленность отсутствует. Это объясняется тем, что первобытных рудокопов интересовали и незначительные запасы руд, никакого промышленного значения сейчас не имеющие. Удобство разработки, неглубокое залегание, мягкость окисленных медных руд — вот основные требования, которые предъявлялись в древности к месторождениям меди.

Места плавки руд. В ряде пунктов на Урале находят большие скопления шлака. Иногда они связаны с древним поселением, расположены на его площади. Но, повидимому, существовали и специальные места — металлургические мастерские, плавильни, расположенные поблизости от рудных месторождений, где в древности из руд выплавлялся металл.

Разработки кремня. Для первобытной эпохи ценным сырьем служили и такие ископаемые, которые в наши дни никакой ценности не представляют. В частности самым распространенным материалом для изготовления каменных орудий являлся кремль. Богатые месторождения кремня хорошего качества разрабатывались древними племенами. Скопление большого количества мелких осколков вокруг выходов кремня на поверхность, наличие среди них ножевидных узких длинных пластинок свидетельствует, обычно, о древних разработках кремня.

Жертвенные места. Первобытными племенами некоторые пункты считались священными. Здесь они совершали моления, приносили жертвы богам и, возможно, ставили изображения этих богов. В археологии такие пункты рассматриваются как особые археологические памятники — жертвенные места. Жертвенные места часто располагаются на вершинах гор, скалах. На их территории находят признаки культурного слоя, но состав его отличен от состава культурного слоя поселений. На жертвенных местах бросаются в глаза пережженные кости животных — следы жертвоприношений — и ограниченный набор предметов.

Каменные столбы. В степях и лесостепных местностях Зауралья, где естественных выходов камня иногда и не видно, встречаются стоящие поодиночке или маленькими группами большие грубо обработанные каменные столбы, высотой с человеческий рост. Являясь сооружением древних племен, они представляют собой археологический памятник, хотя назначение их еще не изучено. В специальной археологической литературе они именуется менгирами.

«Каменные бабы». Так называются грубые каменные изваяния человеческих фигур, иногда встречающиеся на курганах. В одних фигурах распознать изображение человека можно лишь с большим трудом, на других хорошо выработаны черты лица,

руки, иногда детали одежды. Часто руки, скрещенные на животе, держат чашу. В прошлом «каменных баб» немало стояло на степных курганах, но к нашим дням почти все они уже перевезены в музей.

Писаницы. На скалах, главным образом Среднего Урала, по берегам рек и озер встречаются полустертые временем загадочные рисунки, нанесенные красной краской еще в глубокой древности. В одном месте обычно сосредоточен целый ряд рисунков, часто не связанных друг с другом общим смыслом. Нарисованные на писаницах изображения животных, людей, различных геометрических фигур отражают магическо-религиозные обряды и воззрения первобытного населения Урала.

Клады. Этим термином в археологии обозначаются обнаруженные в земле различные предметы, зарытые в землю со специальной целью спрятать, укрыть ценные вещи. Для Урала не характерны денежные клады, зато нередкими бывают находки больших складов ценных для первобытного населения металлических изделий: бронзовых орудий, оружия, украшений. Даже группы каменных, только что изготовленных и не бывших еще в употреблении орудий прятались в землю.

Случайные находки. Всякий отдельно вне связи с другими вещами найденный предмет древности именуется случайной находкой и представляет научную ценность. Некоторые виды древних предметов известны только благодаря случайным находкам и никогда не встречаются в составе коллективных памятников — на поселениях и в погребениях. Иногда на месте обнаружения случайной находки впоследствии оказывается поселок.

Что такое археологическая культура

Все многообразие археологических памятников можно объединить по однородности их содержания в группы, которые в науке и называются «археологической культурой». Однородность содержания памятников одной культуры проявляется прежде всего в одинаковом составе и одинаковых формах орудий труда, оружия, предметов быта и украшений, а кроме того, в определенном обряде погребений и в специфических особенностях устройства жилищ, планировки поселений и т. п. Особенно ярко принадлежность к одной культуре проявляется в орнаментации и форме глиняной посуды, обломки которой особенно часто встречаются в составе культурного слоя. Такого рода памятники, объединяющиеся в понятие одной «археологической культуры», бывают сосредоточены на определенной компактной территории и время их существования относится к определенному временному промежутку. Они отражают принадлежность оставивших их людей к одному племени или ряду близких племен в определенный период их развития.

ДРЕВНЕЙШИЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ УРАЛА

14384 горсовет

Древняя история народов Урала еще не написана. Эту задачу предстоит выполнить крупному коллективу ученых различных специальностей: историков, археологов, этнографов, антропологов, языковедов. Но огромное количество археологических памятников, открытых и изученных на Урале, позволяет уверенно утверждать, что далекие первобытные предки уральских народов прошли долгий путь, полный невероятных трудностей в борьбе с природой, в борьбе за овладение дарами природы.

Буржуазная наука рассматривает «историческими» только народы Западной Европы, а все прочее население земного шара третирует как исторически неполноценное, как не имеющее своей истории, как «низшие расы».

Советской наукой блестяще разбиты эти ложные, антинаучные «теории». Советская археология своими открытиями окончательно выбила почву из-под этих «теорий» и доказала высокую культуру древнего населения нашей Родины. И народы Урала внесли свой вклад «в общую сокровищницу мировой культуры» (Сталин)¹. Древние племена Урала — современники Египта, античной Греции, Рима также творили свою историю. Они полноправные участники процесса исторического развития человечества, а не жалкие дикари. В ряде культурных достижений уральские племена шли впереди «классических» стран древности. У племен приуральских степей лошадь появилась не позднее, чем в Египте, — во II тысячелетии до нашей эры. Наши степняки изобрели саблю — более совершенное оружие, чем меч, и пользовались ею раньше народов Западной Европы и арабского Востока.

Древнее население Урала не стояло в стороне от больших исторических дорог. Археологические памятники свидетельствуют о тесных культурных связях Урала со Средней Азией, Сибирью, Причерноморьем еще за тысячи лет до нашей эры.

¹ Ж. «Большевик», 1948, № 7, стр. 2.

Первобытные уральские племена развивали свою самобытную культуру, творили свою историю, но не были оторваны от общемирового исторического процесса.

Древняя история Урала — одна из интереснейших страниц в истории нашей Родины. Урал — стык Европы и Азии. На Урале смыкаются полоса леса и полоса степи, равнины и горы, юг и север. Это не могло не отразиться на своеобразии археологических культур Урала. Различные его районы испытывали влияния различных соседей. Различие природной обстановки не могло не иметь своего значения в формировании особенностей производственной деятельности, быта и т. п. «Географическая среда, бесспорно, является одним из постоянных и необходимых условий развития общества и она, конечно, влияет на развитие общества, — она ускоряет или замедляет ход развития общества»¹.

Природные условия Урала, растянувшегося на 2000 километров с севера на юг и на 80—150 километров с востока на запад, весьма неоднородны. Племена, обитавшие в лесистых горах были поставлены в другие условия, чем племена, заселявшие степные просторы. Поэтому нельзя, знакомясь с последовательными этапами исторического развития древнего населения, говорить об Урале вообще. Мы выделяем несколько районов, в каждом из которых развитие шло особым путем, в особых формах, что выразилось в различии культурного облика древних памятников.

Различные области Урала изучены археологами далеко не равномерно. Одним районам посчастливилось больше, в них работали крупные археологические экспедиции, видные исследователи; в других районах археологических обследований было меньше; третьи совсем оказались не изученными. К последним относится, например, Северный Урал. По этой причине мы ограничиваемся описанием археологических памятников территорий Свердловской, Челябинской, Чкаловской областей, Башкирской АССР, частично Курганской и Молотовской области. Территорию Молотовской области мы освещаем далеко не полно по той причине, что она, будучи тесно связана с Уралом, часто выделяется в понятие Прикамье. К тому же археологические памятники Прикамья уже хорошо освещены в подобном издании² и характеристика их в настоящей книге свелась бы к простому дублированию.

Учитывая особенности археологических памятников, отражающих особенности исторического развития отдельных районов Урала и различие племенного состава древнего населения, в дальнейшем изложении мы выделяем несколько территориальных районов: степную полосу, лесостепное Зауралье, лесное Зауралье и лесное Приуралье.

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 548.

² О. И. Бадер, Археологические памятники Прикамья, Молотов, 1950.

НИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ (древнекаменный век)

ЭПОХА ПЕРВОБЫТНОГО СТАДА

Современной наукой установлено, что древнейшие люди, еще не совсем изжившие черты своих предков (высокоорганизованных обезьян) жили около одного миллиона лет назад. Этих древнейших наших предков называют питекантропами. Питекантроп — значит обезьяночеловек.

Питекантроп не только по строению тела был близок к своим обезьяньим предкам. По образу жизни он также еще не далеко ушел от животного состояния. «Какими люди первоначально выделились из животного (в более узком смысле слова) царства, такими они и вступили в историю: еще как полуживотные, еще дикие, беспомощные перед силами природы, не осознавшие еще своих сил; поэтому они были бедны, как животные, и не намного выше их по своей производительности»¹.

Вот почему общественный строй питекантропов обозначается термином — первобытное стадо. Стадо состояло из нескольких десятков человек, которые сообща боролись за существование, добывали себе питание. На стадии первобытного стада люди уже имели орудия труда. Это были очень грубые бесформенные с острым краем осколки кремня. Большинство таких орудий трудно отличить от осколков естественного происхождения. Несколько позднее был выработан сравнительно устойчивый тип орудий — заостренные с одного конца так называемые ручные рубила, изготовлявшиеся также из кремня. Зажимая тыльную часть этого орудия в руке, не пользуясь никакой рукояткой, человек применял его для самых разнообразных действий: убивал животных, раскалывал кости, соскабливал мясо с костей, вырывал из земли съедобные корни и т. п. Как ни примитивны первые орудия человека, они служат вещественным сохранившимся до наших дней в толще земли доказательством труда питекантропов, труда, который возможен только при наличии орудий и который создал самого человека. Обезьянам труд не свойственен. «Ни одна обезьянья рука не изготовила когда-либо хотя бы самого грубого каменного ножа»².

Обладая очень примитивными орудиями, древнейшие наши предки — обезьянолюди не могли вести борьбу с природой в одиночку. Они трудились сообща. Первобытное стадо общими усилиями добывало себе питание охотой и собирательством съедобных растений, корней, плодов. Брачные отношения осуществлялись внутри каждого первобытного стада без каких-либо ограничений, также как у животных.

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1950, стр. 167.

² Ф. Энгельс, Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека.

Процесс очеловечения проходил в тропических областях земного шара и, хотя жаркий тропический климат в то время распространялся в более северные районы, чем в наши дни, Урал не входил в зону очеловечения. Поэтому вряд ли можно встретить на Урале какие-либо остатки обитания питекантропа.

Древнейшие археологические памятники, свидетельствующие о жизни людей, относятся к древнекаменному веку или палеолиту, который продолжался много сотен тысяч лет. Самыми ранними памятниками древнекаменного века являются памятники нижнего палеолита, когда обитал еще не вполне сложившийся человек, когда человек и человеческое общество еще формировались.

На территории Советского Союза орудия нижнего палеолита (шелльской и ашельской эпохи) найдены на крайнем юге: в Армении, в Абхазии по Черноморскому побережью и в Каменец-Подольской области.

В то время на Кавказе, в Крыму, на юге Западной Европы росли тропические и субтропические леса, в которых жили бегемоты, слоны, носороги и другие животные, свойственные жаркому климату. Но постепенно климат изменялся в сторону похолодания, и наконец создались особые условия, которые привели к наступлению так называемого ледникового периода. По каким-то причинам, которые остаются не совсем выясненными, из Скандинавии на Европу стал надвигаться огромный ледник. Скапливающиеся в горах Скандинавии и Финляндии снеговые массы в условиях наступившего похолодания не успевали стаять за короткое прохладное лето и превращались в лед. Ледниковая корка огромной толщины, достигавшей одного-двух километров, покрыла поверхность северной Европы и прилегающих районов Азии. Массы льда доходили на юге Восточной Европы до уровня современных городов Орла и Киева. На Урале южная граница ледника проходила несколько севернее современного города Молотова, а южнее развились лишь небольшие местного значения ледники на наиболее высоких вершинах.

В стадии первобытного стада человечество жило несколько сот тысяч лет. За такой огромный период времени, хотя и чрезвычайно медленно, шло развитие техники, форм труда и совершенствование самого организма человека.

Наступает средний палеолит, памятники которого отражают переход человека на новую ступень развития. В условиях ледникового периода людям пришлось бороться за существование с большим напряжением, чем среди тропической природы предыдущей эпохи. Холод заставил человека использовать шкуры для защиты тела. Пещеры становятся постоянными местами обитания, а огонь — необходимым спутником человека. Расширяется охотничья деятельность, совершенствуются орудия труда. Попржнему оставаясь кремневыми, они преобретают более совершенную форму, делаются более тонкими и острыми, удобными для обработки

шкур, разделки туш убитых животных. Вместо ручных рубил появляются орудия так называемого мустьерского типа — остроко-нечник и скребло из крупных пластин, отделяемых от кремневого жёлвака сильным искусным ударом.

Создателями новой техники были люди более совершенного строения, чем их предки — питекантропы. Людей эпохи среднего палеолита называют обычно неандертальцами по месту одной из первых находок черепа человека этого типа в долине Неандерталь, в Западной Германии. У неандертальца объем мозга был больше, чем у питекантропа, черты лица дальше отошли от черт обезьяны. Правда, у неандертальца сохранялся еще покатый, а не вертикальный, как у современного человека лоб, сильно выступали надбровные дуги, отсутствовал подбородочный выступ. Он ходил еще на неполностью выпрямившихся ногах и с несколько согнутой спиной.

На юге нашей страны открыто уже немало стоянок среднего палеолита, на которых жили неандертальцы. Найдены и кости неандертальцев. Погребение взрослого неандертальца было обнаружено в 1924 году в Крыму, в пещере Киик-Коба, а в 1938 году в Узбекистане, в пещере Тешик-Таш, было найдено второе погребение. Оно принадлежало мальчику 7—10 лет. Костяк мальчика — неандертальца был обставлен кругом из воткнутых в землю рогов горного козла.

На Урале пока обнаружена лишь одна стоянка эпохи среднего палеолита, которая свидетельствует о пребывании здесь неандертальцев.

В 1939 году близ устья реки Чусовой на прибрежной отмели возле оврага «Пещерный лог» было найдено несколько изделий из кремневого сланца, типичных для среднего палеолита: небольшое каменное рубище (рис. 2—1) и массивные отщепы. Эти предметы были вымыты из слоев, залегающих под толщей суглинков и супесей мощностью более 25 метров. Условия залегания и характер орудий, найденных возле «Пещерного лога», позволяют относить эту стоянку не менее чем на 50 тысяч лет от наших дней. Вместе с тем она является самой северной палеолитической стоянкой в Европе, расположенной в небольшом расстоянии от кромки ледника.

И в эпоху среднего палеолита люди продолжают трудиться сообща. Охота получает дальнейшее развитие. На основе роста производства меняются отношения между людьми. Зарождаются первоначальные родовые общины с ограничениями в области брачных отношений.

У людей неандертальского типа появляются религиозные представления. Упоминавшиеся выше погребения, найденные в пещере Киик-Коба (Крым) и особенно в пещере Тешик-Таш (Узбекистан), где труп покойника был заботливо обставлен оградкой из рогов — колдовским кругом, говорят о зачатках религиозных представлений, которые окончательно складываются в следующую эпоху.

ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ

РАННЯЯ РОДО-ПЛЕМЕННАЯ ОБЩИНА

Эпоха верхнего палеолита представлена на Урале уже большим числом памятников. Открыты они советскими археологами. В дооктябрьский период был известен только один археологический пункт на юге Урала в районе города Орска. Там близ села Идельбаева в 1906 году были найдены кремневые орудия и кости животных, свойственных более холодному климату, чем современный, что позволяет предположительно датировать эту стоянку палеолитом. Но поскольку ни условия находки, ни характер кремневых изделий, которые до нас не дошли, остались неизвестными, то нельзя быть уверенными в такой ранней датировке.

Другой рано открытый пункт с признаками обитания человека эпохи верхнего палеолита расположен на западе Чкаловской области. Близ поселка Кравцова, в районе города Бузулука, около 30 лет тому назад в осыпи оврага было найдено два гарпуна. Один из них сделан из рога северного оленя и украшен резьбой в виде волнистой линии, второй — из кости мамонта. К сожалению и об этом памятнике нет более подробных данных, он остался неисследованным.

Ближайшие же к Уралу, бесспорно палеолитические памятники, известные в прошлом, были расположены на западе на реке Оке и на истоке — близ города Томска. Среди археологов существовало поэтому мнение, что Урал не был заселен человеком в эпоху палеолита.

1938 год оказался поворотным в деле изучения палеолита на Урале. В этом году палеолитические памятники были открыты сразу в двух районах: в устье реки Чусовой, у села Остров, и на реке Юрюзани, близ города Усть-Катав.

Стоянка у села Остров, которой позднее было присвоено имя ее исследователя М. В. Талицкого, погибшего на фронте в годы Великой Отечественной войны, обнаружена на правом берегу реки Чусовой под 16-метровой толщей ледниковых наносов. Исследования показали, что здесь находилось временное летнее становище палеолитических охотников. Люди жили здесь на прибрежной площадке. Культурный слой имел толщину совсем незначительную и лишь в нескольких местах достигал 20 сантиметров. В этих пунктах были вырыты мелкие ямки диаметром до 70 сантиметров, служившие очагами. В них найдены кучи угля, главным образом костного. Первобытные охотники часто использовали кости как топливо.

Вокруг кострищ найдено много кремневых орудий: скребков, резцов, проколов, ножевидных пластинок и осколков кремня и ядрищ (нуклеусы) (рис. 2), от которых отделялись пластины, шедшие на изготовление орудий. Следовательно производство орудий протекало здесь, на месте. Орудия изготовлялись и из

кости, причем их снабжали кремневыми лезвиями, которые делались из пластинок, укрепленных в пазах костяной основы (рис. 2—7).

На стоянке оказалось много обломков костей животных, свойственных ледниковому периоду: мамонта, носорога, северного оленя, песца, лемминга, а также дикой лошади, зайца, косули, волка, лисы. Среди костей оказался обломок ребра мамонта, покрытый резным орнаментом.

Культурные остатки не составляли сплошного слоя, а переслаивались наносами, образовавшимися в периоды, когда люди уходили в свои постоянные жилища, расположенные где-то в другом месте. Стоянка Талицкого не обнаруживает следов постоянных только сооружений. Возле костров отмечены во время раскопок только отдельные маленькие ямки, в которых вертикально торчали большие кости крупных животных — мамонта, носорога. Эти костяные столбы могли служить основой примитивных заслонов от холодного ветра, какими до сих пор пользуются австралийцы в пустынных районах центральной Австралии.

Другой характер у палеолитических стоянок Южного Урала. На реке Юрюзани и ее притоках в 1938 и 1939 годах были обнаружены временные стоянки охотников верхнего палеолита. Они оказались не под открытым небом, как на реке Чусовой, а в пещерах и гротах.

Все пещеры были естественного происхождения. Они промыты в мягких известняковых породах подземными водами. Поэтому во всех них, кроме больших камер наблюдаются узкие, низкие рукава, уходящие в скалу, откуда проникала, а в некоторых пещерах проникает и сейчас, вода.

В ряде пещер: Ключевой, Бурановской, Смирновской, Гребневой и Усть-Катавской II в толще суглинистых наносов на глубине 1,3—1,8 метра от современной поверхности пола при археологических раскопках найдены остатки кострищ, угольки, единичные изделия и осколки кремня (рис. 2). В одной пещере угли вместе с золой облепляли камни, использованные для сооружения очага. Повсюду в тех же слоях оказывались кости животных ледникового периода вместе с костями животных, продолжающих обитать до сих пор в торах, лесах и степях Урала и Приуралья. Трубочатые кости, как правило, были расколоты, из них первобытные охотники добывали лакомство — костный мозг. На ряде костей в месте прикрепления сухожилий заметны нарезки. Нарезки получились при отделении мяса от кости кремневыми ножами.

Все эти находки, составляющие культурный слой, убеждают в том, что пещеры были обитаемы в ледниковый период, то есть в эпоху палеолита. Вместе с тем малое количество находок, в первую очередь кремневых орудий, указывает, что и здесь охотники находили себе еще более кратковременное убежище, чем на стоянке Талицкого. В частности, в пещерах нет того большого числа осколков кремня, которое встречается на берегах реки Чусовой и

которое свидетельствует об изготовлении кремневых орудий на стоянке. В пещерах кремь не обрабатывался. Люди приходили сюда с готовыми орудиями.

Пещерные жилища имели временный характер, вероятно, из-за своей сырости. Неблагоприятен был и рельеф местности на берегах Юрюзани. Узкие речные долины с отвесными скалистыми берегами не располагали к устройству постоянных поселений.

Состав животных, за которыми охотились палеолитические обитатели Урала, обращает на себя внимание большим разнообразием. Здесь мы находим кости холодолюбивых северян: мамонта, шерстистого носорога, северного оленя, песца; представителей леса умеренной полосы: медведя, лося, первобытного зубра, оленя, косули; представителей степи: сайги, дикой лошади, суслика и вместе с ними хищников: пещерного медведя, пещерной гиены.

Смешанный характер животного мира наблюдается и в других гористых районах за пределами ледника — в Крыму и на Кавказе. Животные различных ландшафтов были оттеснены великим оледенением и сосредоточились на одной территории.

Описанные пещеры расположены на западном склоне Урала. За последнее десятилетие обнаружены палеолитические местонахождения и на восточном склоне, в Свердловской и Челябинской областях. В начале 40-х годов на реке Туре в геологических шурфах на глубине 9 метров от поверхности были встречены кости северного оленя со следами раскола. В 1945 году слабые признаки обитания человека в эпоху палеолита найдены были в гроте Медведь-Камень близ города Нижнего Тагила.

Наконец в 1950 году открыта и исследована еще одна палеолитическая пещера того же характера, что и Юрюзанские. Новая пещера находится на левом берегу реки Малый Кизыл близ села Смеловского в районе города Магнитогорска, опять на восточном склоне Урала.

Теперь уже нельзя сомневаться, что Урал был обитаем в эпоху палеолита. На всех изученных стоянках люди жили 20—25 тысяч лет тому назад.

Повидимому не случайно то, что палеолитические памятники находятся именно на Среднем и северной части Южного Урала. Здесь хребет отличается незначительной высотой и поэтому наиболее удобен для перехода с одного склона на другой. Тип орудий на уральских палеолитических стоянках связывает последние с палеолитом не европейской части СССР, а с памятниками Сибири. Оттуда около 50 000 лет тому назад появились на Урале первые люди и заселили его до уровня города Молотова, пройдя через пониженную среднюю часть хребта на западный склон еще тогда, когда северные и центральные области европейской части СССР были покрыты великим оледенением.

По мере того как лед в конце ледниковой эпохи отступал на север, европейские области нашей страны заселялись человеком не только с юга, но, повидимому, и с востока — с Урала.

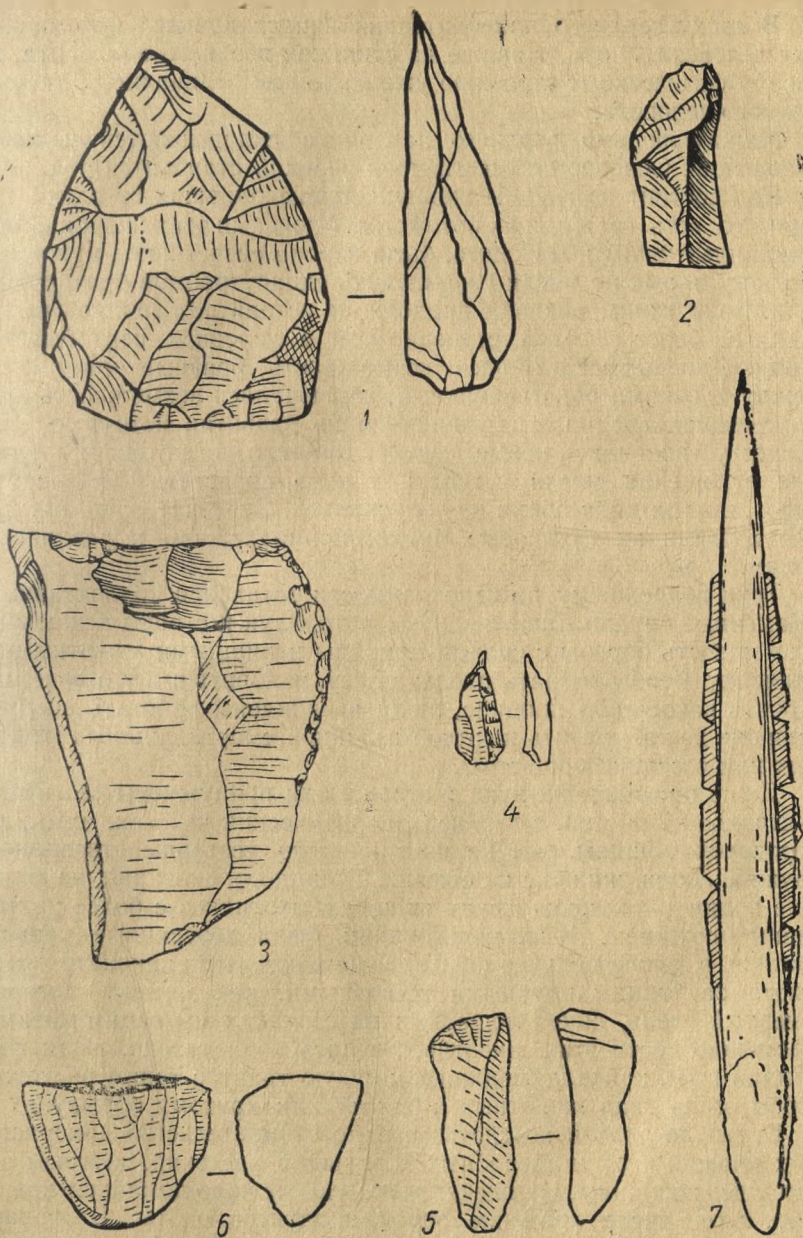

Рис. 2. Орудия из камня и кости с палеолитических стоянок Урала.

1 — ручное рубильце эпохи среднего палеолита; 2 — кремневая ножевидная пластинка;
 3 — кремневая плитка с ретушью; 4 — кремневая проколка; 5 — концевой скребок;
 6 — кремневый нуклеус; 7 — костяное острие с кремневыми лезвиями. (1 — стоянка Пещер-
 ный лог; 2, 3 — Ключевая пещера; 4—7 стоянка Талицкого).
 В скобках указывается место, где были найдены предметы.

В эпоху верхнего палеолита закончился процесс формирования человека. Люди, жившие на стоянках верхнего палеолита, по своему физическому строению уже мало чем отличались от современного человека.

Между людьми верхнего палеолита складываются родовые отношения. Основной общественной ячейкой становится род.

Род состоит из группы женщин, происходивших от одной матери, то есть сестер и их потомства. Мужьями этих женщин, притом коллективными мужьями, была группа сверстников-мужчин, в состав которых не могли уже входить единоутробные братья женщин. Брак таким образом продолжал оставаться групповым, но стоял на более высокой ступени, чем в условиях первобытного стада. Теперь исключалась возможность брачных отношений между близкими родственниками, исключалась возможность кровосмешения, вредно отражавшегося на развитии потомства. Наоборот установились новые жесткие правила, по которым в брачные отношения могли вступать только представители разных родов, внутри рода браки не допускались. Следовательно, групповые жены и их групповые мужья принадлежали к различным родам.

Труд попрежнему по необходимости оставался коллективным. «Каменные орудия и появившиеся потом лук и стрелы исключали возможность борьбы с силами природы и хищными животными в одиночку. Чтобы собрать плоды в лесу, наловить рыбу в воде, построить какое-либо жилище, люди вынуждены работать сообща, если они не хотят стать жертвой голодной смерти, хищных животных или соседних обществ»¹.

Даже при наличии лука и стрел люди принуждены вести коллективное хозяйство, а верхнепалеолитический человек, член раннеродовой общины, еще не знал и этого усовершенствованного оружия. Люди, жившие на стоянке Талицкого, охотники, находившие приют в южноуральских пещерах, охотились с более примитивным оружием. В их пользовании были деревянные копья и дротики, в лучшем случае снабженные каменными наконечниками. Охота за такими крупными животными, как мамонт, носорог, северный олень, дикая лошадь, а на стоянках мы видим преимущественно кости этих животных, велась коллективно, люди поднимали шум, кричали, поджигали сухую траву с таким расчетом, чтобы огонь гнал животных к болоту или крутому обрыву.

Большую роль в хозяйстве играло собирательство дикорастущих плодов, ягод и съедобных корней и растений, которым занимались женщины. На плечах женщины лежало домашнее хозяйство, в том числе хранение впрок продуктов охоты. Благодаря этому труд женщины играл огромное значение в жизни родовой общины, а так как при групповом браке счет родства мог вестись только по линии матери, поскольку отец был неизвестен, то жен-

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 555.

щина неизбежно занимала весьма почетное место в общине. Женщины были основой родовых общин.

Первые признаки зарождавшихся религиозных представлений относятся, как мы видели, еще к предыдущей эпохе, но вполне сложившаяся религия отмечается археологическими памятниками только начиная с верхнего палеолита. Правда, на Урале пока таких памятников не открыто, но в других районах нашей страны они известны. Это рисунки на скалах, изображающие промысловых животных. Они служили для колдовских, религиозных действий. Погребения палеолитического человека, в которых обнаруживаются орудия труда, также свидетельствуют о зарождавшихся представлениях о душе и загробной жизни.

В. И. Ленин о корнях религиозных воззрений человечества пишет: «...бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.»¹. А трудности в жизни первобытного человека были большие, его окружали грозные, непонятные для него силы природы. «Что первобытный человек получал необходимое как свободный подарок природы,— пишет Ленин в другом месте,— это глупая побасенка... Никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой»². Только коллективный труд помог человечеству выжить в условиях первобытности.

Если на Урале пока не найдены бесспорные следы первобытной религии, относящиеся к эпохе палеолита, то косвенные следы ее имеются и в палеолитических памятниках Урала. Во время раскопок стоянки Талицкого было обращено внимание на то, что культурный слой пропитан красной краской, явно принесенной сюда человеком, который повседневно, видимо, ею пользовался. Известно, что красная краска служит символом огня, крови, символом жизни, благополучия. Поэтому ею широко пользовались при похоронах, ее употребляли для раскрашивания тела и т. п. Для магических колдовских целей пользовались красной краской, надо полагать, и обитатели стоянки Талицкого.

МЕЗОЛИТ

(среднекаменный век)

РАННЯЯ РОДО-ПЛЕМЕННАЯ ОБЩИНА

Ледниковый период, а вместе с ним и эпоха палеолита, закончились приблизительно 12—15 тысяч лет тому назад. Наступили климатические условия, близкие к современным. Потребовалось немало времени для того, чтобы освободившиеся из-под льда пло-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 10, изд. 4, стр. 65.

² В. И. Ленин, Соч., т. 5, изд. 4, стр. 95.

шади покрылись растительностью, чтобы здесь развелись животные, а вслед за ними появился человек, который двигался за отступающим ледником с юга, а может быть и с востока, то есть с Урала. На территории Карелии хорошо прослежен по археологическим памятникам путь продвижения древнейших обитателей вслед за ледником отступающим из бассейна Оки, то есть с юго-

востока. Можно думать, что в среднюю Россию население проникло несколько раньше из более юго-восточных областей, с Урала.

Археологические памятники, относящиеся к первым тысячелетиям послеледникового времени, объединяются в науке в понятие среднекаменный век или мезолит. Самые древние очень редкие послеледниковые памятники на Урале, относящиеся к мезолиту, датируются четвертым, может быть, пятым тысячелетием до нашей эры. Пока известны находки этого периода только в одном месте — на Среднем Урале, на Шигирском торфянике, Невьянского района, Свердловской области.

Еще в прошлом столетии во время разработки торфяника встречалось много древних предметов, относящихся к различным периодам исторического развития местных первобытных племен.

Рис. 3. Костяные орудия из Шигирской торфяниковой стоянки эпохи мезолита. 1—2— костяные ножи с вкладными лезвиями из кремневых пластинок; 3— игловидный наконечник стрелы; 4— гарпун.

В нижних слоях, где отложились самые древние предметы, которые можно датировать V—IV тысячелетиями до нашей эры, было найдено много изделий из кости и рога. К этому раннему времени относятся (по А. Я. Брюсову) большие костяные кинжалы и длинные узкие ножи, снабженные кремневыми лезвиями, костяные гарпуны с многими мелкими, чрезвычайно тонко сделанными зубцами, наконечники стрел в виде длинных тонких круглых костяных игл (рис. 3).

Крупным достижением описываемой эпохи надо признать применение комбинированных так называемых вкладышевых орудий.

Они готовились из кости или дерева и снабжались кремневыми лезвиями из пластинок вкладышей. Из кости и дерева можно было сделать более крупный и длинный предмет, чем это

допускали свойства кремня, и чтобы снабдить такие орудия острым лезвием, которое невозможно получить не только на дереве, но и на кости, пользовались вставными лезвиями из маленьких острых кремневых пластинок.

К тому же времени, но не позднее, чем к III тысячелетию, могут быть отнесены три погребения, обнаруженные в 1907 году на Шуралинском прииске Шигирского озера на глубине двух метров под слоем торфа. При одном из костяков лежал кривой нож из лопатки оленя с желобком по выгнутому лезвию, в котором сохранились следы от кремневых пластинок-вкладышей.

НЕОЛИТ И ЭНЕОЛИТ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ

МАТРИАРХАЛЬНАЯ РОДО-ПЛЕМЕННАЯ ОБЩИНА

Шире, чем памятники мезолитические, известны на Урале памятники следующего культурного этапа — эпохи новокаменного века или неолита.

Для изучения исторического процесса, протекавшего на Урале в эпоху неолита и в более позднее время, накоплен достаточно обильный материал. На основании его установлено, что древние местные племена в своем развитии прошли неодинаковый путь.

Начиная с эпохи неолита, археологические памятники можно объединить для каждого этапа общественного развития в несколько территориальных групп. Каждая из этих групп памятников рисует известное своеобразие исторического развития племен данного района Урала.

Общее направление развития племен Урала, независимо от района их обитания, было одинаково, но различия в природных условиях накладывали своеобразный отпечаток. И хотя полного совпадения упомянутых культурных районов древности с географическими зонами нет, границы тех и других довольно близки и потому удобнее в дальнейшем рассматривать археологические памятники применительно к географическим зонам.

В лесной полосе Среднего Урала в эпохи неолита, энеолита и бронзы обитало по всем данным довольно густое население. Дозказательством этого являются многочисленные стоянки, часто обнаруживаемые по берегам рек и озер. Одни из этих стоянок относятся полностью к эпохе неолита, на них находят исключительно каменные орудия. На других, более поздних, появляются редкие металлические изделия. Такие стоянки являются энеолитическими. Наконец, третью хронологическую группу составляют памятники эпохи бронзы. Но бронза, а тем более медь, все же очень мягки. Медные и бронзовые орудия быстро тупились. Их преимущества перед каменными были слишком незначительны и долго не могли вытеснить у лесных племен каменных орудий. Используя богатство своих районов различными горными поро-

дами, удобными для обработки, первобытные племена Среднего Урала продолжали изготавливать орудия труда из камня и тогда, когда соседние степные племена полностью вступили в бронзовый век. По имени Шигирского торфяника Свердловской области, где были сделаны наиболее ранние находки этого типа, памятники эпохи неолита и бронзового века на Среднем и в лесной полосе Южного Урала часто называют Шигирскими. Объединяющим для них признаком являлась однородность хозяйства. Совершенствовались орудия труда, люди переходили от каменных к металлическим орудиям, но эти изменения в технике были не столь значительными, чтобы преодолеть зависимость от окружающей природной обстановки. В эпоху неолита и в эпоху бронзы попрежнему, как и в эпоху неолита, древний человек Среднего Урала занимался охотой, рыболовством, собирательством дикорастущих плодов и корней.

В эпоху неолита техника первобытных общин достигла больших успехов. Люди научились изготавливать более совершенные орудия. Правда, в основном они продолжали пользоваться орудиями, сделанными из кремневых пластинок, но наравне с этим изготавливали массу разнообразных каменных наконечников стрел способом двусторонней оббивки.

Широкое распространение получили крупные рубящие орудия: топоры, тесла, которые служили для обработки дерева. Обычно топоры и тесла, а также долота, стамески, приготовляемые из камня, тщательно шлифовались, их лезвия остро натачивались. С такими орудиями люди могли рубить деревья для устройства жилищ, охотничьих и рыболовных загородей и снастей, для выдалбливания лодок-однодеревков.

История лесных племен изучена еще недостаточно, но так как накоплен большой фактический материал, то все же имеется возможность отдельные из открытых памятников отнести к определенному этапу, установить их приблизительную дату.

Наиболее ранней и наиболее изученной нужно признать стоянку на реке Полуденке в 12 километрах к западу от города Нижнего Тагила. Глинисто-песчаный культурный слой стоянки занимает невысокую пологую грядку на берегу реки и залегает толщей в 0,5 метра непосредственно под тонким дерновым слоем.

На стоянке найдено много керамики, обломков остродонных, с прямыми стенками сосудов, типичных для эпохи неолита. Вся внешняя поверхность их, включая дно, покрыта сплошным орнаментом в виде чередующихся поясов, состоящих из горизонтальных прямых или волнистых линий, а также наклонных отпечатков гребчатого штампа (рис. 4 и 5).

Гребчатый штамп — плоская галька или кость с рубчатым ребром. Оттиски такого инструмента на сырой глине представляли собой ряд пунктирных линий. По сходству с оттисками, которые оставила бы гребенка, штамп и орнамент им образованный, названы гребчатыми.

Некоторые из сосудов достигали крупных размеров — до 60 сантиметров высоты. Волнисто-гребенчатая керамика встречается и на других памятниках лесного Среднего Зауралья: на

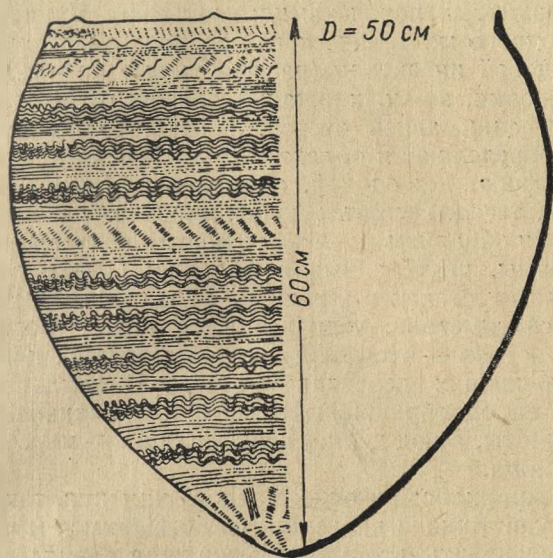

Рис. 4. Круглодонный сосуд эпохи неолита с волнисто-гребенчатым орнаментом (реконструкция) с полуденской стоянки.

Рис. 5. Обломки глиняных сосудов с неолитической стоянки на реке Полуденке.

стоянках Исетского озера близ Свердловска, в урочище «Могильцы» близ села Сосновского Покровского района Свердловской области, на озере Чебаркуль в Чебаркульском районе Челябинской области и других. На ряде памятников этого же времени типич-

ным мотивом орнамента являются крупные заштрихованные треугольники или треугольные участки, причем штриховка в соседних участках располагается под углом друг к другу.

Многочисленные орудия труда Полуденской стоянки сделаны только из различных пород камня: из кремня, горного хрусталя, кварца. Ни одного металлического предмета на стоянке не обнаружено. Трудовой инвентарь (разнообразные наконечники стрел, скребки, проколки, ножи, кинжалы) свидетельствует, что обитатели стоянки занимались охотой. Несколько найденных здесь костей лося определяют и объект охоты. Немало найдено здесь и крупных шлифованных орудий, служивших для обработки дерева, — топоров, тесел, вогнутых долот, клиньев.

Раскопками обнаружены остатки мелких полуземлянок прямоугольной формы, углубленных в грунт на 50—70 сантиметров. Вдоль земляных стенок в жилищах оказались канавки шириной 12—25 сантиметров, углублявшиеся ниже уровня пола на 10—20 сантиметров — след вертикально стоявших плах или бревешек, составлявших деревянные стены. В землянке найдены остатки обугленной, обрушившейся крыши, сделанной из нескольких слоев бересты, а под ней на полу жилища — много угля, золы и очаги-коstriща.

Хотя не сохранилось ни одного целого жилища, так как стоянка частично уничтожена карьером, по оставшимся частям землянок можно установить, что площадь жилища равнялась не менее 25 квадратных метров. Поселок состоял из трех жилищ, окруженных оградой из вертикальных бревен. Ямки, в которых стояли бревна ограды, прослежены раскопками. Они были вырыты в окружавшем поселок овальном ровике.

Полуземлянки являлись зимними жилищами. В летнее время население поселка обитало и за пределами ограды, где ставились вероятно легкие летние шалаши. Судя по размерам жилищ и всего поселка в нем могло жить 40—50 человек, которые представляли собой матриархально-родовую общину охотников конца III тысячелетия до нашей эры.

Позднее, в начале II тысячелетия до нашей эры, в орнаментике керамики стали реже применяться украшения из волнистых резных линий; чаще использовались гребенчатые оттиски. Наиболее характерным для этого периода элементом орнамента является так называемая шагающая гребенка. Различные узоры, иногда целые большие участки сплошь заполнялись оттисками гребенки путем передвижения штампика таким образом, что он не отнимался совсем с поверхности сосуда, а поочередно переносился то один, то другой конец его. Этот тип орнамента наиболее широко представлен на стоянке Полуденка II, близ Нижнего Тагила, и на Чебаркульской стоянке, близ поселка Чебаркуль, в Челябинской области.

К середине II тысячелетия до нашей эры на поселениях по берегам озер и рек лесной полосы Урала начали встречаться еди-

ничные орудия труда из меди. Новый металл поступал вначале с юга, по всей вероятности, от более развитых степных племен. Отдельные металлические изделия еще не могли изменить неолитического облика местной культуры. Основная масса орудий по-прежнему изготовлялась из камня. Хозяйственный строй также не изменился. И все же наличие редких металлических изделий знаменовало наступление переходного периода от каменного века к бронзовому. Этот переходный период обозначается археологами термином энеолит, что в буквальном переводе значит медно-каменный век. В лесной полосе Урала он падает на середину II тысячелетия до нашей эры.

К эпохе энеолита относится стоянка на озере Кысы-Куль, близ города Миасса, Челябинской области.

Стоянка на озере Кысы-Куль расположена в устье долинки, выходящей к берегу между двух возвышенностей. Первые находки здесь были обнаружены еще в 80-х годах прошлого столетия.

В 1937 году на стоянке была вскрыта раскопками площадь около 250 квадратных метров. Прибрежная полоса оказалась размытой. Находки здесь встречаются на поверхности и даже в воде. Выше по берегу они залегают на глубине 25—40 сантиметров. Находки состоят из разнообразных орудий и поделок из кремня, яшмы, глинистого сланца и других пород камня, единственного предмета из меди — ланцетовидного ножичка — и многочисленных обломков сосудов из глины с примесью толченого талька.

В орнаментации керамики снова происходят значительные изменения. Исчезает «волнистый» орнамент и фигуры, образованные «шагающей гребенкой», столь типичные для неолитической керамики, хотя еще не получили распространения элементы, характерные для более позднего времени — эпохи бронзы. На сосудах энеолитической стоянки на озере Кысы-Куль по-прежнему вся керамика представлена круглодонными сосудами с прямыми стенками. Орнамент в большинстве случаев покрывает всю поверхность сосуда и состоит преимущественно из таких оттисков гребенчатого штампа, которые образуют горизонтальные полосы или зоны, состоящие из горизонтальных или зигзаговидных линий, поясов, наклонных линий, незаштрихованных ромбов (рис. 6—1, 2).

Население стоянки пользовалось массивными топорами (рис. 6—4), маленькими кремневыми ножичками и скребками, а также изящными, хорошо зашлифованными долотцами. Обращают на себя внимание изогнутые кремневые ножи, служившие, видимо, для потрошения рыбы (рис. 6—6).

Каменные орудия изготовлялись здесь же на стоянке. Тут оказались и каменные отбойники, которыми обрабатывались орудия, и песчаниковые плиты, на которых орудия шлифовались. В раскопе нашли огромный камень. Вся поверхность его была сильно избита, надо полагать, в результате обработки на нем каменных орудий. Вокруг валялась масса осколков — «отходов производ-

ства», отдельные орудия, обломки шлифовальных плит и т. п. Этот комплекс находок надо рассматривать как следы мастерской по выделке каменных орудий.

Разнообразные грузила (рис. 6—7) из галек, валунов, кусков талька с желобками для подвязывания к сетям и другим рыболовным приспособлениям указывают на одно из основных занятий населения стоянки — рыболовство.

Важную роль играла в хозяйстве энеолитических поселений лесной полосы Урала и охота. На стоянке Кысы-Куль об этом говорят каменные наконечники стрел (рис. 6—5) да небольшое количество костей диких животных.

Следами жилищ древнего населения стоянки на озере Кысы-Куль являются небольшая яма, несколько ямок от врытых столбов и скопления угля — кострища. Одних этих данных слишком мало для реконструкции жилища, но если учесть материалы других стоянок, близких по времени, то восстановить устройство жилищ того времени можно. Энеолитические обитатели Урала жили в небольших поселках, расположенных непосредственно у воды, в хижинах, слегка углубленных в землю. Крыша жилищ поддерживалась врытыми в пол столбами. В середине хижины помещался очаг в виде ямы, а вдоль стен находились нары. Дым выходил через отверстие в крыше над очагом.

Описанные стоянки являются береговыми, они представляют собой остатки поселений на берегу озер или рек. В Свердловской области открыт также ряд стоянок, расположенных на торфяниках, которые свидетельствуют о существовании в эпоху неолита, а отчасти и позднее, поселений на заболачивавшихся озерах или болотах.

Большое количество разнообразных предметов, образующих своеобразный и содержательный культурный слой найдено на Шигирском торфянике, но, к сожалению, все эти находки обнаружены случайно во время разработки золотоносного слоя, залегающего под торфом, а не в результате научных раскопок.

Систематические многолетние археологические раскопки велись на торфянике Горбуновском, близ города Нижнего Тагила. Торфяниковые стоянки ценны тем, что торф обладает свойством консервировать и великолепно сохранять материалы, которые в почве уничтожаются бесследно, например дерево. Поэтому культурный слой торфяниковых стоянок значительно дополняет находки на береговых стоянках и позволяет полнее охарактеризовать культуру оставивших их древних племен.

На Горбуновском торфянике исследования велись в нескольких пунктах, из них самые обширные на так называемом «шестом разрезе». Здесь мощность слоя торфа доходила до 2,8 метра, а под торфом залегал слой ила-сапропеля. Культурные остатки обнаружены в трех горизонтах. Самый нижний слой находок оказался на границе торфа и сапропеля, уходя в сапропель. Второй

Рис. 6. Орудия и керамика со стоянки на озере Кысы-куль эпохи энеолита (по раскопкам автора в 1937 году).

1, 2 — обломки глиняных сосудов; 3 — заготовка каменного топора; 4 — шлифованный каменный топор; 5 — кремневый наконечник стрелы; 6 — кривой нож из кремня; 7 — грузило.

слой на 0,5—0,7 метра выше нижней границы торфа, в его толще. Третий, слабый, менее насыщенный находками,— еще выше.

Кроме изделий из камня и кости, а также керамики, которые однотипны с находками на одновременных береговых стоянках, при раскопках на шестом разрезе, в особенности во втором (среднем) слое, найдено много деревянных вещей и остатков деревянных сооружений: жерди, обломки дерева, большое количество щепы, несколько крупных сланей из жердей, достигавших длины 6 метров при ширине в 2 метра. Возле сланей оказались брусья с отверстиями на концах, в некоторых отверстиях — остатки вставленных заостренных кольев.

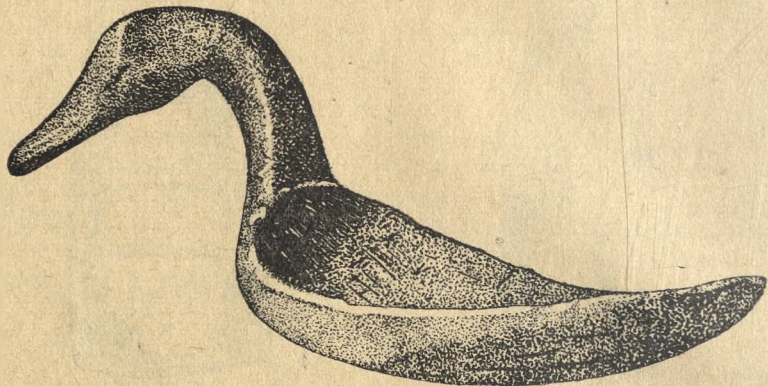

Рис. 7. Деревянный ковш с рукояткой в виде головки гуся из Горбуновского торфяника.

Полностью установить характер бывшего здесь сооружения не удалось. Несомненно, что это следы какого-то крепления недостаточно твердой поверхности, на котором располагались древние обитатели. На настилах местами обнаружена глиняная обмазка, на ней разводился в древности огонь. Найдены также распластанная поверх настила береста, в которой можно предположительно видеть остатки такой же крыши, которая была прослежена на береговой стоянке Полуденка I.

Слой со сланями содержал и другие изделия из дерева: ковши и ложки с ручками, вырезанными в виде головок гуся или утки (рис. 7), грубые условные изображения фигур птиц, обломки грубых изображений человека — идолов (рис. 8).

Аналогичные находки сделаны в другом пункте Горбуновского торфяника на так называемой «Стрелке». И здесь в культурном слое сохранились не только каменные орудия, но и изделия из дерева. Вскрыты участки настила из бревен, служившего для укрепления болотистого берега, на котором располагалось древнее поселение. Тут же найдены отдельные, не входящие в какое-либо сооружение слези и балки. Над деревянным сооружением оказался слой из щепы, кусков обработанного дерева,

частей досок. Возле настила найдены однополозные санки длиной в 2,3 метра. Они представляли собой как бы широкий тонкий полоз с корытообразным углублением через всю длину и отверстиями, идущими с обеих сторон по краям. Наоборот, отверстий для копыльев нет. Следовательно мы имеем в данном случае не часть саней, а полные однополозные санки, на которых груз, добыча охотников, перевозился вручную или при помощи собачьей упряжки. Такого типа санки известны у ряда лесных охотников севера Европы и Азии.

Торф сохранил также обломки деревянных сосудов, грузила и поплавки, большое количество костяных и роговых мотыг. Одни из мотыг были снабжены для удобства сцепления с рукояткой выступами с двух сторон, другие — пяткой для упора (рис. 9—7, 8).

Найдены здесь и каменные орудия: кремневые и сланцевые топоры, резцы, скребки, ножи, наконечники стрел, обломки шлифовальных плит.

И на торфяниковых стоянках находки указывают на охотничье-рыболовецкий характер деятельности их обитателей.

Как и береговые стоянки, поселения на торфяниках относятся к одной эпохе, но не являются вполне одновременными. Наиболее древними, датирующимися третьим тысячелетием до нашей эры, надо признать Горбуновские стоянки, представленные находками на «Стрелке» и в нижнем слое шестого разреза. К началу и середине второго тысячелетия относится второй слой на шестом разрезе и ряд других. С этими более поздними поселениями связываются находки в торфяниках редких металлических изделий.

До 1938 года на Урале и в Зауралье не было известно ни одного погребения эпохи неолита или энеолита, несмотря на многочисленность здесь неолитических поселений. Где и как погребали своих умерших обитатели этих стоянок?

В 1938 году при исследовании Бурановской пещеры археологической экспедицией Челябинского областного музея и Института истории материальной культуры Академии наук СССР сотрудники экспедиции натолкнулись в верхних слоях этой пещеры на оригинальное женское погребение типа, до того совершенно

Рис. 8. Деревянный идол из Горбуновского торфяника.

неизвестного на Урале. Костяк женщины лежал на спине в вытянутом положении головой к югу. Череп помещался в специально вырытой ямке глубиной 10 сантиметров, заполненной красной охрой. В области таза и ног оказалось 35 подвесок в виде плоских пластинок из зеленого змеевика овальной формы; у всех пластинок одна из поверхностей тщательно отшлифована. Привески снабжены отверстием для прикрепления к одежде женщины.

В следующем 1939 году в том же районе на стоянке неолитического времени в скалистом навесе Старичный гребень было обнаружено второе погребение подобного рода.

Эти погребения, пока единственные, связывают неолитические памятники Южного Урала с могильниками того же времени, ранее открытыми и хорошо изученными в лесной полосе европейской части СССР и Сибири. Сходные по характеру погребения обнаружены на Оленьем острове Онежского озера. Другой подобный могильник известен в Вологодской области на правом берегу реки Еломы в урочище Караваиха. В обоих пунктах при погребениях так же, как и на Южном Урале, применялась присыпка красной охрой. С другой стороны, в неолитических могильниках Сибири на реке Ангаре мы видим тот же тип погребений с окраской охрой и даже с привесками на нижней части костяка. Таким образом, южноуральский неолит является составной частью памятников, оставленных на огромной территории лесной полосы нашей страны многочисленными первобытными племенами, стоявшими на одинаковом уровне культурного развития. Однородность природных условий, экономики и социального строя и, повидимому, этническая родственность, обусловили на такой большой территории близость в основных чертах материальной культуры, как она представляется нам по сохранившимся до наших дней остаткам.

Был ли открытый в пещерах Бурановской и Старичном гребне обряд погребения неолитического населения единственным или существовали одновременно другие способы захоронения по имеющимся в нашем распоряжении данным — судить трудно. Можно предполагать, что, поскольку до сих пор нигде на Южном Урале неолитические могильники не встречались, описанный погребальный обряд не был господствующим. Видимо, в большинстве случаев умерших хоронили способом, который исключал сохранение следов погребения до наших дней. Из этнографии известно, что некоторые племена Сибири оставляли своих покойников на поверхности или помещали на деревьях. Такой вид захоронения мог применяться и древним неолитическим населением Урала, чем и можно объяснить странный факт отсутствия могильников. Находки на описанных выше стоянках дают возможность сделать заключение, что человек эпохи неолита и энеолита в лесной полосе Урала умел выделывать разнообразные специализированные каменные, костяные и деревянные орудия и оружие. Он мастерски обрабатывал дерево, лепил из глины и богато украшал сосуды, был знаком с прядением волокнистых веществ, вязанием сетей.

На выделку орудий шел прежде всего кремень и кремнистый сланец. На Урале для этой цели употребляли также яшму, кварц и даже хрусталь. Крупные орудия делались преимущественно из сланца; прочие породы шли на мелкие изделия.

Изготовление крупных орудий труда: топоров (рис. 9—1), долот требовало массу времени. Из большой гальки специальным отбойником приготавливалась сначала болванка, которой придавались общие очертания будущего орудия (рис. 6—3). Следующая стадия была более трудоемкой. На слегка смоченных водой песчаных плитах долгим трением зашлифовывались лезвия орудий. Иногда шлифовалась вся поверхность топора или долота. Изумительный по тщательности шлифовки огромный топор длиной 25 сантиметров был найден в 1937 году на хуторе Осьмушка, близ Ленинского прииска, Миасского района. Шлифовались такие топоры годами. Они прикреплялись к рукояткам из дерева.

Производительность труда с появлением шлифованных орудий сильно возросла. Топором с зашлифованным лезвием можно было срубить дерево, отесать кол. Как мы увидим ниже, наличие этих орудий позволило коллективам первобытных рыбаков и охотников строить сложные большие приспособления для ловли рыбы и диких животных.

Широко пользовались орудиями из кости и дерева. Особенно много найдено костяных и деревянных стрел (рис. 9—5, 6). Для каждого вида дичи употреблялись стрелы особой формы. Белку били тупыми стрелами в голову, чтобы не испортить шкурки. При охоте на водяную птицу применялись стрелы с наконечником в виде развилки.

Самыми распространенными находками на неолитических поселениях являются обломки глиняной посуды. Сосуды этого времени имели вид полаяца с острым дном. Такие горшки можно было поставить только втиснув дном в песок, золу или подперев камнями. Это вполне соответствовало быту неолитического населения, которое не знало столов, а пищу приготавливало на очагах — кострах. Глиняная посуда играла большую роль в быту того времени. Она служила не только для приготовления пищи, но и для хранения съестных продуктов. Глиняные сосуды спасали запасы от уничтожения мышами. Разнообразием функций сосудов и объясняется разнообразие их размеров — от маленьких горшков до корчаг высотой в 60—70 сантиметров.

Домашнее хозяйство находилось в руках женщин, и все необходимое для его ведения, в том числе и глиняная посуда, изготовлялось ими же. Неолитические сосуды на поселениях Урала лепились так называемой ленточной техникой. Пальцами из куски глины формовалась небольшая чашечка, на которую затем спирально наращивались неширокие глиняные ленты.

Для обезжиривания глины и предохранения сосудов от растрескивания применялись различные примеси. Черепки на зауральских стоянках часто содержат в своей массе зерна измельченного

талька, от примеси талька поверхность их делалась блестящей и жирной наощупь. Обжигались сосуды прямо на кострах. От неравномерной закалки получалась пестрая окраска: один бок оказывался серым, другой — темнокрасным, а местами почти черным.

На хорошо сглаженную поверхность горшков еще до обжига наносился сложный орнамент, покрывающий часто всю поверхность, включая и дно. Он состоял из нескольких поясов, охватывающих тело сосуда и расположенных один над другим. Пояса заполнялись разнообразными элементами: треугольниками, уголками, ромбами, горизонтальными прямыми, зигзагообразными и волнистыми линиями и т. п.

Наносился орнамент преимущественно гребенчатым штампом. На Урале и в Зауралье он характерен для неолита и эпохи бронзы. Вместе с тем встречается орнамент резной, который наносился заостренной костью или палочкой.

Благодаря торфяникам, на Урале, как нигде, сохранилось много деревянных изделий, большинство которых относится к рассматриваемой нами эпохе. Здесь и орудия труда, и другие предметы производственной деятельности, и произведения искусства. Поскольку многие деревянные изделия в торфяниках найдены случайно при разработке торфа, а не во время научных раскопок, то условия обнаружения их часто не ясны. Поэтому некоторые из описываемых деревянных изделий могут относиться и к более позднему времени — эпохе бронзы.

В торфяниках найдены луки, разнообразные наконечники стрел, несколько весел, полоз от нарт, часть лодки-однодеревки, лыжи, палки-копалки для вырывания корней (рис. 9—10), ковши, ложки, предметы культа — «идолы», изображения животных для совершения магических действий и т. п. Обнаружено было много деревянных палок, заостренных с одного конца. Они снабжены педалями для нажима ногой при рытье. Некоторые из копалок настолько малы, что могли употребляться только детьми. Палками-копалками вырывали съедобные корни и пользовались при различных земляных работах: рытье землянок, ловчих ям и т. п., поскольку металлических лопат еще не было. Уже одно перечисление деревянных изделий говорит о высоком мастерстве, которым обладал неолитический человек Урала в обработке дерева.

Как видно из находок, обнаруженных в Шигирском и Горбуновском торфяниках, рыбаки в то время уже пользовались лодками-однодеревками. Лодки изготовлялись из целого бревна, у которого выжигалась середина, и отделялись каменными топорами, теслами и долотами. В тех же торфяниках обнаружено много весел — целых и в обломках.

Наконец, благодаря находкам на торфяниках, можно утверждать, что у охотничье-рыболовецких племен Урала эпохи неолита и ранней бронзы весьма высоко стояло искусство. Торфяники сохранили большое количество предметов искусства, вырезанных из дерева и рога.

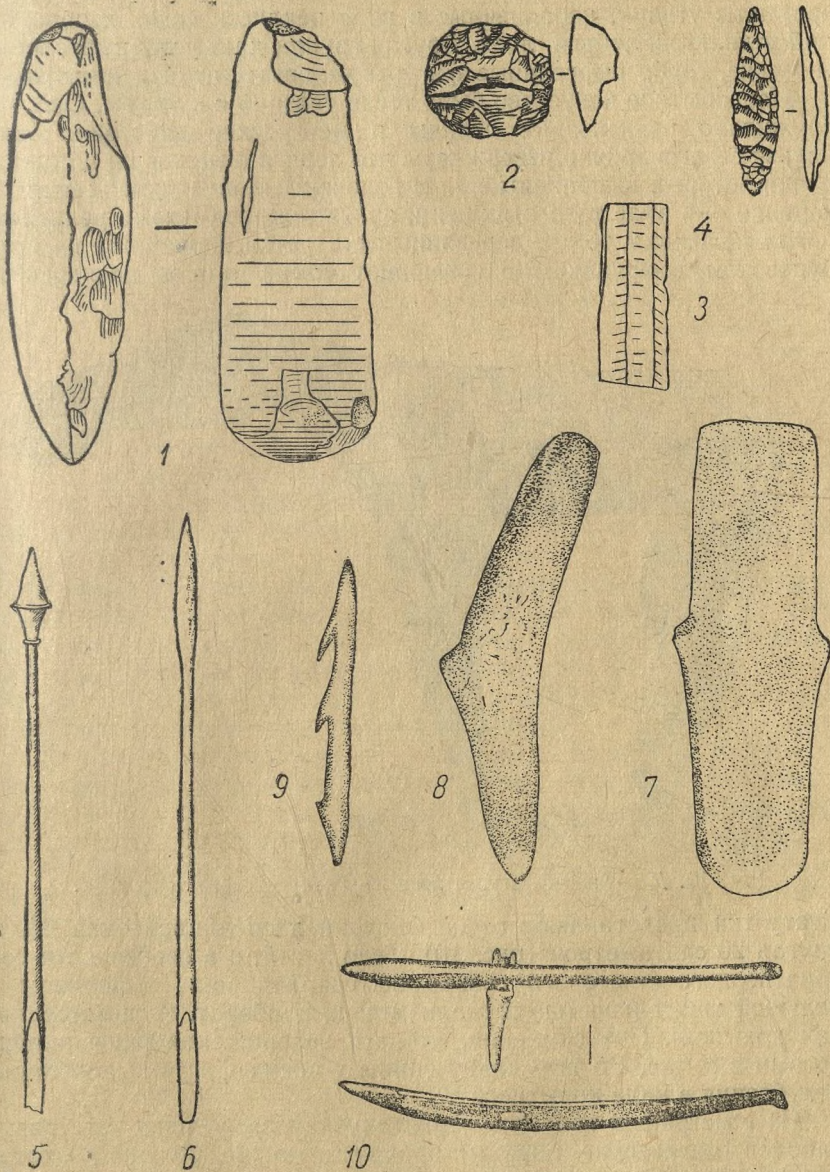

Рис. 9. Неолитические орудия из камня, кости, рога и дерева.

1 — каменный шлифованный топор; 2 — кремневый скребок; 3 — ножевидная кремневая пластинка; 4 — кремневый наконечник стрелы; 5, 6 — костяные наконечники стрел; 7, 8 — мотыги из рога; 9 — гарпун из рога; 10 — деревянная палка-копалка с педалью (1-4 — стоянка на р. Полуденке; 5, 6, 10 — Шигирский торфяник; 7-9 — Горбуновский торфяник).

Резная скульптура уральских торфяников дает две группы изображений. К первой группе относятся ковши, ложки и другие предметы утвари, исполненные в виде реалистических изображений утки, гуся, лебедя, лося. Другая группа дает условные, схематические, грубо вырезанные фигуры человека, птиц и животных.

Первобытное искусство было тесно связано с культом. Оно обслуживало религиозные обряды и магические действия. Если нельзя безоговорочно утверждать, что деревянные ковши и ложки, ручки которых выполнены в виде головок водоплавающих птиц, а черпаки — в виде тела этих птиц, являются предметами религиозного назначения, то две деревянные статуэтки, найденные на Горбуновском торфянике, не оставляют сомнения в их назначении.

Рис. 10. Деревянная фигурка лося из Горбуновского торфяника.

Статуэтки представляют собой фигурки лося длиной одна 24, а другая 29 сантиметров (рис. 10). Тело лосей, и в особенности голова первого (у второго голова не сохранилась), выполнены с большой тщательностью и реализмом и, наоборот, ноги затесаны как колышки. Нет сомнения, что эти изображения укреплялись ногами в земле. Во всю длину спины у обеих фигур выдолблены углубления в виде корытцев.

Из этнографии известны практикующиеся у ряда отсталых народов магические обряды, предшествующие большой охоте. Австралийцы, например, чертят на песке изображение кенгуру и бросают в него копья, «убивают» его. Этот магический обряд, по их мнению, обеспечивает удачную охоту. Из тех же соображений некоторые сибирские охотничьи народы, а именно: виллюйские якуты, сымские эвенки и удэ, «убивают» изображения животных

из специально для этой цели приготовленных луков. Характерно, что в толще торфа, где найдены фигурки лося, оказались луки настолько маленького размера, что их трудно даже счесть детскими игрушками. По всей вероятности они также служили для магического «убиения» описываемых изображений лося.

Легкий обжиг на одной из фигурок и вырезы на спинах вызывают предположение, что статуэтками пользовались при жертвоприношениях, заменяя ими настоящих животных, причем корытца в спине служили для помещения жертвенного дара — крови или кусочков мяса животного. По окончании жертвоприношения копии животных выбрасывались, следовательно, как бы уничтожались.

Магические действия требуют максимального сходства изображения животного с подлинником. Иначе бог, которого молят дать удачу в охоте, может ошибиться, какое животное послать под стрелу своих почитателей. Отсюда — реалистичность в выполнении фигурок лося. Следовательно, и ковши, не менее реалистично передающие фигуры птиц, имели, вероятно, какое-то отношение к религиозно-магическим обрядам.

Резные деревянные скульптуры второй группы, в отличие от описанных, характеризуются схематизмом в изображении. Наиболее интересными из них являются деревянные «идолы» — грубые изображения человека.

Чтобы дать о них представление, опишем «идола», найденного в 1931 году на Горбуновском торфянике. Он имеет длину 1 метр 25 сантиметров и сделан из обрубка сосны. Длинное туловище без рук грубо отесано, не удалены даже выступы сучков. На тонкой шее сидит яйцеобразная голова, вырезанная более тщательно, чем туловище, но черты лица очень схематичны.

Несоразмерно короткие ноги несколько согнуты в коленях и заканчиваются такими же заострениями в виде колышков, как у лосей. У других «идолов» ноги вообще отсутствуют. Найдены такие же грубые изображения птиц и животных.

Нельзя сказать, чтобы общество, оставившее нам деревянную скульптуру, не имело развитого искусства. Ковши-птицы вполне могут быть названы художественными произведениями. Значит, причина грубости обработки «идолов» кроется в другом. «Идолы», несомненно, имели одежду, и уже поэтому не было необходимости тщательно отделять туловище. Но как же голова, черты лица? Вероятно здесь сказался консерватизм религии, традиции, которые крепко держатся в области культа. Установившаяся издревле традиция требовала придачи некоторым священным предметам определенных очертаний, отклонение от которых якобы влекло за собой утерю чудесных магических свойств этим изображением.

С другой стороны, не исключена возможность, что наиболее важные предметы культа изготовлялись не искусными резчиками, а людьми, ближе других стоящими к божеству — старейшинами, которые могли совсем не обладать художественным чутьем и умением.

«Идолы» и другие предметы, рассматриваемые нами как принадлежности культовых обрядов и церемоний, были найдены на Горбуновском торфянике, в районе обнаруженного здесь сооружения из бревен. Сооружение представляло собой площадку, расположенную на некотором расстоянии от берега, от которого к ней шел узкий настил из жердей. Вся обстановка этого комплекса находок говорит, что здесь открыты остатки свайной постройки, сооруженной на заболачивающемся озере. По мнению исследовавшего в течение ряда лет Горбуновские стоянки профессора Д. Н. Эдинга, постройка служила для совершения культовых обрядов, жертвоприношений и магических церемоний, после окончания которых использовавшиеся в них резные деревянные изображения животных, птиц, а может быть и человека, выбрасывались на дно озера.

Основой хозяйства населения лесной полосы Урала в описываемое время были охота и рыболовство. Это видно по составу производственного инвентаря и пищевых отходов, обнаруженных на местах поселений. Здесь находят кости диких животных, скопления рыбьей чешуи. Чаще всего встречаются кости лося, затем медведя. Эти животные являлись главным объектом охоты. Охота и рыболовство было делом мужчин. Женщины же и дети попрежнему занимались собирательством. Есть основания в палках-копалках видеть земледельческие орудия. Подобными орудиями некоторые отсталые племена Океании в недавнем прошлом возделывали свои крохотные поля. Шигирские племена могли пользоваться этими орудиями для той же цели. Если это действительно так, то тогда наравне с охотой, рыболовством и собирательством надо считать еще одну отрасль производственной деятельности человека того времени — примитивное зачаточное палочное земледелие. Последнее развивается обычно на базе собирательства — занятия женщин. Поэтому и первыми земледельцами повсюду становились женщины.

Природа не баловала первобытного человека. Озера, реки, леса и горы таили в себе массу богатств, но взять их можно было только упорным повседневным трудом. Вне коллектива одиночка-охотник или рыбак, даже целая семья со своими примитивными орудиями и оружием, неизбежно погибли бы в борьбе с суровой природой. Только общими усилиями, только коллективным трудом на благо всех, возможно было существование.

Население каждого поселка охотников и рыболовов в это время не превышало нескольких десятков человек, которые находились в родстве друг с другом. Они составляли родовую общину с общим для всего поселка хозяйством.

«Каменные орудия и появившиеся потом лук и стрелы исключали возможность борьбы с силами природы и хищными животными в одиночку. Чтобы собрать плоды в лесу, наловить рыбу в воде, построить какое-либо жилище, люди вынуждены работать сообща, если они не хотят стать жертвой голодной смерти, хищ-

ных животных или соседних обществ. Общий труд ведет к общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства. Здесь не имеют еще понятия о частной собственности на средства производства, если не считать личной собственности на некоторые орудия производства, являющиеся вместе с тем орудиями защиты от хищных зверей. Здесь нет эксплуатации, нет классов»¹.

По одним археологическим данным нам трудно установить все подробности производственной деятельности населения того времени. Но если проследить, как охота и рыболовство ведется или велась в недавнем прошлом у первобытных народов, которые по уровню общественного развития были близки к древнему населению Урала и жизнь которых наблюдали современные нам исследователи, то можно составить довольно полную картину.

Неолитический охотник был неплохо вооружен. Теперь он уже не ограничивался, как в палеолите, копьем и дубиной. Был изобретен лук, который произвел целый переворот в охотничьем промысле. Нам трудно понять все значение этого изобретения. Вооруженный луком охотник мог поражать животное на большом расстоянии. Добычливость увеличилась в несколько раз.

Помимо лука и стрел у охотника были каменные и костяные кинжалы и ножи, которыми он прикалывал подстреленную дичь и обрабатывал тушу убитого животного. Зимой он пользовался лыжами. Образцы лыж того времени найдены в торфяниках Свердловской области. Охотникам помогали прирученные собаки. Возможно они запрягались в легкие санки, известные из находок в торфяниковых неолитических стоянках Урала.

Излюбленным объектом охоты был лось. Он давал много мяса для пищи, кожи для обуви и одежды. Рога и кости шли на изготовление орудий труда, оружия, домашней утвари.

Широко, должно быть, применялся способ охоты загонем по насту. При этом способе охотники-лыжники с собаками гнали лося по снегу, покрытому свежей тонкой корочкой льда, образовавшейся при оттепели. Животное проваливалось в снег, ранило ноги льдом, а лыжники и собаки легко настигали его. Первобытные народы часто ведут охоту загонем в специальные ловушки. Для этого ставятся две длинные изгороди под углом друг к другу, которые тянутся на многие километры и сходятся затем в одной точке, где вырываются ловчие ямы. Эти работы подильны только большому коллективу.

Рыболовство также велось коллективно. Ставились крупные сети, делались так называемые заколы в устье маленьких речек, ручьев, в протоках между двух озер. Заколы представляли собой изгороди из вбитых в дно кольев, между которыми оставались только узенькие проходы. В них под водой укреплялись сплетенные из прутьев ловушки для рыбы — «морды».

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 119.

При всей примитивности орудий труда неолитические первобытные общины охотников и рыболовов умели обеспечить свое существование.

Развитие производительных сил по сравнению с эпохой палеолита обеспечило больший успех в охоте, но большое значение по-прежнему имело собирательство съедобных корней, плодов, трав, находившееся в руках женщины. Благодаря труду женщин, которые поставляли продукты питания более регулярно, чем охота, община и в моменты охотничьих неудач спасалась от голода.

Кроме того в добычливые сезоны охоты и рыбной ловли женщины обеспечивали сохранение, консервирование (сушка, вяление, копчение и т. п.) продуктов про запас на голодные периоды года.

В руках женщин из поколения в поколение оставалось домашнее хозяйство, игравшее в истории первобытных общин этого периода большое значение. Все это закрепляло высокое почетное положение женщин в обществе.

На смену групповому браку пришла другая форма семейно-брачных отношений — парный брак. Он отличался от позднейшего моногамного брака тем, что при нем сохранялись пережитки группового брака: кроме основного мужа и жены каждый мужчина и женщина могли иметь дополнительных мужей и жен. Кроме того моногамная семья является экономической единицей, ведет индивидуальное самостоятельное хозяйство, а при парном браке хозяйство ведется более крупной единицей — родовой общиной. И при парном браке сохранялось правило, по которому в брак могли вступать лица, принадлежавшие к различным родам. Основу родовых общин составляли женщины, вследствие их большой роли в хозяйстве. Мужья их были пришельцами из других родов. Дети поэтому относились к роду матери, счет родства велся по женской линии. Такой род называется материнским или матриархальным. Несколько родов были объединены в племя, владевшее определенной территорией, границы которой были хорошо известны и соседним племенам. На этой территории протекала вся хозяйственная деятельность данного племени. Так выглядела структура первобытного общества в эпоху неолита и энеолита, когда первобытно-общинные отношения достигли своего наивысшего развития.

НЕОЛИТ И ЭНЕОЛИТ СТЕПИ И ЛЕСОСТЕПИ

МАТРИАРХАЛЬНАЯ РОДО-ПЛЕМЕННАЯ ОБЩИНА

Расцвет первобытно-общинных отношений падает повсюду на период матриархальной (материнской) первобытной общины. В степной и лесостепной полосе Зауралья этот период представлен неолитическими и энеолитическими памятниками, изученными

хуже, чем в лесном Зауралье. Но картина быта, хозяйственной деятельности и общественных отношений и здесь ясна. Следы обитания первобытных племен эпохи неолита и энеолита в лесостепном Зауралье обнаруживаются, как правило, по берегам рек и озер.

Наиболее ранним памятником этого времени нужно признать стоянку на юго-западном берегу озера Смолино в окрестностях Челябинска. Здесь в 1925 году у самой воды были найдены в большом количестве кремневые отщепы, а также орудия: ножи, проколки, скребки и т. п. Население стоянки повидимому еще не было знакомо с изготовлением глиняной посуды. Никаких следов керамики на Смолинской стоянке не оказалось, что заставляет относить памятник к раннему времени, но не раньше, чем к III тысячелетию до нашей эры. Смолинская стоянка была обнаружена на прибрежной полосе, освободившейся во время необычно низкого уровня воды в 1925 засушливом году. Следовательно и в древности обитание было возможно здесь только в период засушливости — суббореальный период, начало которого падает на III тысячелетие до нашей эры.

Еще чаще остатки неолитических поселений обнаруживаются на дюнах, то есть прибрежных песчаных холмах. Ветер, а отчасти и вода, разрушает дюны, передвигает песок, и более тяжелые культурные остатки остаются на поверхности. На развеянных таким путем дюнах находят керамику, кремневые ножевидные пластинки, скребки, наконечники стрел и другие каменные орудия. Дюнные поселения в лесостепи известны по берегам реки Исети в ее среднем течении: у города Долматова, у села Могилевского, у села Воробьева, близ Шадринска, а также в низовьях реки Миасо у сел: Барсуково, Долговское, Усть-Миасское и других пунктах. Трудно сказать, существовали ли на дюнах постоянные поселки или здесь были лишь временные сезонные становища, а постоянные жилища где-то в других местах. Вероятнее, что люди жили у воды постоянно. Во всяком случае были на дюнах и постоянные поселения. Примером такого поселения может служить стоянка «Индеево» близ города Долматова, расположенная на песчаной дюне в пойме реки Исети. Среди густых зарослей кустарника здесь обнаружено около 50 ям глубиной до метра и диаметром до 10 метров. Являясь следами жилых землянок, эти ямы доказывают прочную оседлость обитателей стоянки «Индеево».

По составу находок на дюнах видно, что основным источником существования первобытных общин здесь были рыболовство и охота. Этим определяются и топографические условия, в которых находятся стоянки.

Керамика на всех этих поселениях представлена круглодонными сосудами неолитического типа: со сплошной орнаментацией стенок (рис. 11—4). Орнамент керамики имеет общие черты с орнаментом, который мы видели на неолитических сосудах

конца III — начала II тысячелетия до нашей эры в лесном Зауралье. Таковы треугольные площадки с заштриховкой гребенчатыми оттисками, идущими в соседних треугольниках под углом друг к другу, волнистые резные пояски (рис. 11—5), «танцующая гребенка» и т. п.

В лесостепном Зауралье найдено пока одно погребение этого времени. Обнаружено оно в Курганской области у села Пеган Лопаткинского района. При костяке в могиле оказались положенными каменный шлифованный топор (рис. 11—3), костяной нож-кинжал с вставным лезвием из мелких кремешков (рис. 11—1), обломок другого костяного орудия и костяная игла для вязания сетей. На костяных орудиях — сложный резной орнамент. Состав вещей при покойнике подтверждает охотничье-рыболовецкий характер хозяйственной деятельности неолитических обитателей лесостепного Зауралья.

При всем своеобразии неолитических стоянок лесостепного Зауралья, несомненны родственные связи их обитателей с населением одновременных поселений охотников и рыбаков лесной полосы. Это видно и по однородности ряда элементов орнамента на керамике, и по близости формы костяного ножа-кинжала из погребения у села Пеган к шигирским костяным орудиям.

Поселения этого времени известны также и в степях Южного Зауралья и Приуралья. Они, как и в лесостепном Зауралье, открыты преимущественно на прибрежных дюнах или низких береговых террасах.

Несколько таких стоянок найдено в 1950 году на берегах реки Малый Кызыл, правого притока реки Урала, в районе города Магнитогорска. Известны они и ниже по течению реки Урала, в устье реки Суундук, у поселка Таналыкского, в Чкаловской области, а также на реке Киимбай к югу от города Орска и на реке Самарке у села Палимовки, близ города Бузулука, на западе Чкаловской области.

Одни из стоянок дают находки только в виде кремневых изделий, на других обнаруживается и керамика. В состав кремневого инвентаря входят наконечники стрел, нуклеусы, скребки и особенно часто мелкие кремневые пластинки, которые в археологии получили наименование микролитов. Микролиты служили в качестве лезвий-вкладышей в костяные и деревянные основы крупных орудий (рис. 11).

Глиняные черепки с этих стоянок относятся к сосудам типа, встречающегося в курганах с погребениями древнеямной культуры конца III — начала II тысячелетий до нашей эры. Такое сочетание находок в частности обнаружено на дюнах реки Самарки в районе города Бузулука.

Таким образом устанавливается, что два вида памятников (стоянки с микролитическим инвентарем и древнеямные курганы) оставлены племенами одной культуры.

Рис. 11. Предметы эпохи неолита и энеолита степи и лесостепи.

1— костяной кинжал; 2 — глиняный сосуд; 3 — каменный шлифованный топор; 4, 5 — обломки глиняных сосудов; 6—8— кремневые скребки; 9, 10— кремневые лезвия к костяным орудиям (1, 3 погребение у села Пеган; 2 — курган у совхоза Березянки; 4, 5— стоянка Черныковский брод на р. Малый Кизыл; 6—10— стоянка на р. Суундук).

Древнеямные погребения, хорошо изученные в степях Нижнего Поволжья и Причерноморья, характеризуются следующими чертами. Могильные ямы прямоугольной формы покрыты сверху бревнами, плахами или жердями. На дне могилы скелеты лежат на спине. Руки вытянуты вдоль туловища или положены на живот или таз. Ноги согнуты коленями вверх, ступни поставлены параллельно. Позднее ноги в могиле сваливались вправо или влево. Иногда покойники помещались в могилу в сидячем положении. При таком погребении кости скелета во время раскопок обнаруживаются в виде беспорядочной груды. Головой скелеты обычно ориентированы на северо-восток, но встречается и другое направление. Часто дно могилы и сам покойник посыпались красной краской, отчего кости находятся окрашенными в красный цвет. В большинстве могил как бы то ни было вещи отсутствуют. В редких случаях в них обнаруживаются глиняные сосуды с круглым дном, бронзовые ножи и шилья.

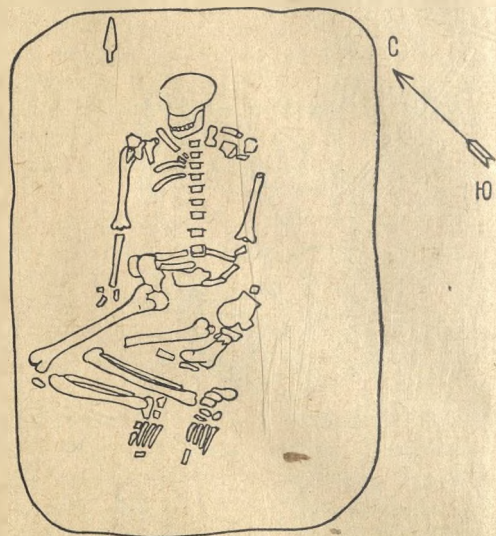

Рис. 12. Погребение древнеямной культуры на р. Малый Кизыл, близ Магнитогорска.

Первое древнеямное погребение в южном Приуралье было раскопано в 1923 году проф. В. В. Гольмстеном к западу от города Бугуруслана, у совхоза Березняки, Чкаловской области. В могильной яме оказалось парное погребение: костяки мужской и женский, расположенные головой к северо-востоку. Оба костяка лежали на спине с согнутыми вправо ногами. Возле головы мужчины был поставлен маленький круглодонный сосудик-чашечка. У головы женщины также стоял круглодонный сосуд и лежали раковина и кусок камня, похожий на каменный топор. Костяки лежали на слое бересты, под которой дно могилы было густо посыпано красной краской. Сосуд возле женского костяка имеет вполне неолитическую форму, но в отличие от неолитических лишен орнамента (рис. 11—2).

Подобные погребения были найдены в 1949 и 1950 годах в курганах в районе Магнитогорска, на левом берегу реки Малый Кизыл, близ поселка Супряжского балластного карьера. И здесь одни костяки были положены на спину с приподнятыми в коленях ногами, другие лежали на боку (рис. 12). Из пяти открытых здесь

могил, только в одной были найдены два предмета: бронзовые нож и шило.

Для древнейших погребений, которые шире изучены в соседнем Нижнем Поволжье, находки металлических предметов — редкое явление. Металл в это время и в степях еще не получил широкого распространения. В конце III — начале II тысячелетия до нашей эры степные племена только начали знакомиться с этим новым материалом. Поэтому и степные племена описываемой эпохи надо рассматривать как племена энеолитические.

Необходимо подчеркнуть характер хозяйства обитателей дюнных стоянок в степи и лесостепи, отличающийся от экономики лесных племен того же времени. Если в лесу, как это мы видели на примере стоянки на реке Полуденке, в это время основным источником существования была охота, то в лесостепи и особенно в степи преобладало рыболовство. Если многими чертами своей культуры неолитические племена лесостепного Зауралья сближаются с обитателями леса эпохи неолита, то степные неолитические племена бесспорно относятся к другой этнической группе, выявляя родственность с обитателями северного Казахстана и Среднего и Нижнего Поволжья.

ЭПОХА БРОНЗЫ В СТЕПНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ПОЛОСЕ ПАТРИАРХАЛЬНАЯ РОДО-ПЛЕМЕННАЯ ОБЩИНА

В начале II тысячелетия до нашей эры в жизни племен степной и лесостепной полосы Урала происходят крупные перемены. Люди приручают животных и переходят от охоты и рыболовства, как основных занятий, к скотоводству и земледелию. Охота становится подсобным занятием, имеющим совсем незначительный удельный вес в хозяйстве.

Когда люди добывали себе питание охотой и рыболовством, условия лесной полосы были для жизни первобытного населения более благоприятными. В лесу было много зверя, дичи, съедобных растений, ягод, орехов, кореньев, грибов.

Степная природа беднее для охоты и собирательства. Неолитические и энеолитические племена зауральских и приуральских степей были поставлены в области хозяйства в худшие условия, чем племена лесной полосы, и принуждены были основной отраслью своей хозяйственной деятельности сделать рыболовство, а не охоту.

С переходом к скотоводству и земледелию роли поменялись. Для новых видов хозяйственной деятельности степные условия оказались более благоприятными. В степях быстрее развилось животноводство, как основное занятие. Скотоводческие племена выделились из среды звероловческих племен. Происходит первое

крупное общественное разделение труда. Стада давали постоянный запас пищи. Размножаясь, они увеличивали богатства первобытных общин. Более обеспеченные степные племена получили возможность выделить рабочее время и силы для разработки рудных богатств своей территории. В Приуралье и Южном Зауралье таким богатством были прежде всего залежи медных руд, на основе которых быстро развивается первобытное горное дело и металлургия. Степные племена переходят из неолита в век бронзы. На основе первого крупного общественного разделения труда, которое привело к существованию на соседних территориях двух групп племен с различным хозяйственным строем, неизбежно развивается регулярный обмен, что способствует усилению общенных между племенами, а в степной полосе, где не было естественных преград для передвижений, складываются крупные племенные объединения с единой культурой.

Происходят крупные сдвиги в общественном строе и в форме семейно-брачных отношений. Так как изменилось значение труда мужчин и женщин, они поменялись своими ролями в экономике, совершается переход от матриархального родового строя к патриархально-родовому устройству. Матриархально-родовая община, бывшая до сих пор основной хозяйственной единицей, заменяется хозяйством большой патриархальной семьи.

«Промысел всегда был делом мужчины,— говорит Ф. Энгельс,— средства для промысла изготовлялись им и были его собственностью. Стада были новыми промысловыми средствами; их первоначальное приручение, а позднее уход за ними были делом мужчины. Поэтому скот принадлежал ему; ему же принадлежали и полученные в обмен на скот товары и рабы. Весь избыток, который теперь давал промысел, доставался мужчине; женщина участвовала в потреблении его, но не имела доли в собственности. «Дикий» воин и охотник довольствовался в доме вторым местом после женщины, «более кроткий» пастух, чванясь своим богатством, выдвинулся на первое место, а женщину оттеснил на второе. И она не могла жаловаться. Разделение труда в семье служило основанием для распределения собственности между мужчиной и женщиной; оно осталось тем же самым и, тем не менее, оно совершенно перевернуло существовавшие до того домашние отношения исключительно потому, что разделение труда вне семьи стало другим. Та самая причина, которая прежде обеспечивала женщине её господство в доме — ограничение её труда работой по дому,— эта самая причина теперь утверждала господство мужчины в доме; домашняя работа женщины утратила теперь своё значение по сравнению с промысловым трудом мужчины; его труд был всем, её работа — значительным придатком»¹.

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1948, стр. 182.

«С утверждением фактического господства мужчины в доме пали последние преграды к его единовластию. Это единовластие было подтверждено и увековечено ниспровержением материнского права, введением отцовского права, постепенным переходом от парного брака к моногамии. А это создало трещину в древнем родовом строе: отдельная семья сделалась силой, и притом грозной силой, противостоящей роду»¹.

В степной и лесостепной полосе Приуралья и Зауралья, несмотря на одинаковые природные условия и одинаковый характер хозяйственной деятельности, археологическими исследованиями установлены две бронзовые культуры: андроновская и срубно-хвалынская.

Андроновская культура

Степь и лесостепь в Зауралье были заселены в XV—VIII веках до нашей эры племенами андроновской культуры. Эти племена занимали огромные пространства — от Урала на западе до Енисея на востоке, от реки Исети на севере до Средней Азии на юге. Таким образом Южное Зауралье и Приуралье представляли собой лишь северо-западную окраину этой территории. Своё название памятники андроновской культуры получили от села Андропова, расположенного к югу от Ачинска на реке Енисее, возле которого она была обнаружена впервые. Оседлый характер быта андроновских племен совершенно бесспорен. Хотя основная масса памятников, на основании которых изучена андроновская культура, представляет собой могильные сооружения, известно немало и андроновских поселений. Поселения открыты и изучены исключительно в Зауралье. В более восточных областях следы культурных слоев андроновской эпохи найдены лишь на дюнах в развеянном состоянии.

Андроновские селища Зауралья, открытые в Челябинской области по верхнему течению реки Урала у сел Спасского, Алексеевки, Агаповки, в окрестностях Магнитогорска, а также на маленькой речке Бахте в Нагайбакском районе и в более северных районах: на реках Карabolке и Синаре, в Буринском и Багарякском районах, на реке Исети в Шадринском районе, располагаются не на дюнах, как стоянки рыбаков и охотников предыдущей эпохи, а на краю надпойменной террасы. Правда, случается, что и андроновские селища оказываются среди поймы, даже на заливаемых весенними водами участках, но такое неудобное, казалось бы, их расположение легко объяснимо. Дело в том, что для времени, когда в Зауралье обитали андроновские племена, были характерны, как установлено археологами, почвоведцами и другими специалистами, другие, отличные от современных природные условия. Это время совпадает с тем периодом в истории климата, кото-

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1948, стр. 183.

рый известен под наименованием суббореального или ксеротермического. Более высокая среднегодовая температура и пониженная влажность приводили к тому, что вода в реках не выходила из своих коренных летних берегов; весенние разливы тогда не были известны и люди могли жить в современных поймах, то есть на таких берегах, которые во время весенних разливов теперь покрываются водой.

Часто на андроновских селищах хорошо видны на задернованной поверхности следы жилищ в виде впадин крупных размеров. Площадь таких впадин определяется следующими данными: диаметр от 10 до 20 метров, глубина до 1,5 метра. Возле села Замаева, близ Шадринска, на берегу реки Исети сохранилось десять таких впадин. В 1946 году одна из них была раскопана. В результате раскопок выявились остатки огромного коллективного жилища-полужемлянки (длиной — 26 метров, шириной 9—11 метров), углубленной в землю не более метра от поверхности. В земляном полу жилища оказалось 8 очажных ям глубиной от 60 сантиметров до одного метра и два поверхностных очага-кострища, причем площадка под одним была вымощена камнями и обожженными комками глины. На площади раскопа прослежены 382 ямки глубиной от 15 до 75 сантиметров, в которых когда-то стояли столбы и подпорки. Наиболее мощные столбы были поставлены вдоль земляных стенок жилища и вокруг двух центральных очагов. Первые служили основой стен жилища, а вторые должны были поддерживать бревенчатый прямоугольник, служивший отверстием для выхода дыма. Вместе с тем, на этот прямоугольник должны были опираться концы жердей, перекинутых со стен и образующих основу крыши, покрытой, вероятно, камышом или соломой. Небольшие обломки обугленных жердей от крыши были найдены во время раскопок на полу жилища. Под этими обломками и возле них на полу остались разные вещи, оказавшиеся в землянке в момент пожара, в результате которого несомненно погибло жилище. Тут найдены обломки каменных плит для растирания зерна, отлично отшлифованные каменные песты, терочные камни зернотерок, каменная мотыга, кремневый скребок, каменные скребла для обработки кожи, ножи и обломки других каменных орудий, костяные шилья, обломки бронзового ножа, обломок бронзового браслета, бронзовые скобочки, служившие для стягивания трещин на глиняной посуде.

На других поселениях, например у села Кипель в Юргамышском районе Курганской области, у села Ново-Бурино в Бурином районе Челябинской области найдены также несколько наконечников стрел из камня и кости, обломок костяной обкладки лука, костяные проколки — шилья, костяная основа кремневого вкладышевого серпа из челюсти коровы, бронзовые стамески. На очаге в жилище на Кипельском селище лежала большая каменная тонкая овальная плита, которая служила, видимо, для печения лепешек.

На андроновских селищах часты находки, свидетельствующие о металлургии: комки шлака, кусочки окисленной медной руды, обломки литейных формочек из талька, части глиняных плавильных чаш и т. п.

На Кипельском селище в Курганской области (Юргамышский район) жилище было несколько меньшего размера, чем на Зама-раевском, но и его площадь достигала 100 квадратных метров. Здесь не оказалось очажных ям: все очаги представляли собой простые костры на земляном полу жилища. Рядом с полуземлянками прослежены остатки поверхностных жилищ; один из очагов среди них выглядел, как примитивная печь. Он был сложен из хорошо обожженных глиняных маленьких кирпичиков в виде свода

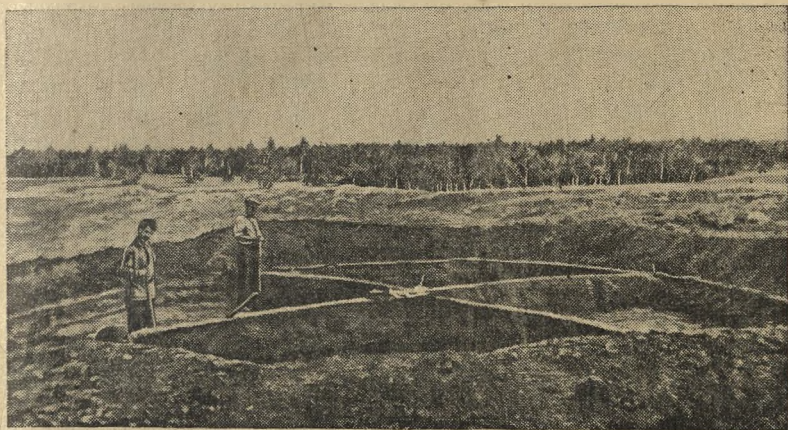

Рис. 13. Раскопка кургана у села Федоровка близ Челябинска.

над небольшим углублением. Под развалинами кирпичного свода на покрытом углистым слоем поду печи лежали раздавленные глиняные горшки.

Древнейшие для территории Урала кирпичи были обнаружены впервые на Кипельском селище, хотя небольшие обломки их встречаются и на других поселениях андроновской культуры в Зауралье. Они делались из глины женщинами и детьми, что можно определить по отпечаткам пальцев на их поверхности. Форма кирпичей неустойчивая, в большинстве случаев они четырехгранные, но есть и пяти- и трехгранные. Формовались кирпичи прямо руками и потому выглядят далеко не стандартно и довольно грубо, но по прочности обжига не уступают современным кирпичам.

Чаще, чем поселения, встречаются в лесостепной и степной полосе Зауралья и Приуралья погребальные сооружения, оставленные андроновскими племенами.

На территории Челябинской и Курганской областей погребения совершались под курганными насыпями, а последние группировались в большие могильники, состоящие из нескольких десятков курганов. Это были родовые кладбища. Раскопками установлены два погребальных обряда. В одних могильниках, обычно более ранних по времени, обнаруженных главным образом в районе Челябинска, погребение совершалось через сожжение трупа. Эти погребения относятся ко второй половине II тысячелетия до нашей эры. Позднее, в XI—IX веках до нашей эры, население тех же андроновских общин стало погребать покойников без сожжения. В других районах, более южных, и в раннее время трупосожжение, видимо, не практиковалось.

Образцом первого типа погребений может служить огромный могильник на берегу реки Миасса у села Федоровки в Сосновском районе Челябинской области, состоящий из 148 курганов (рис. 13). Раскопки нескольких курганов в этом могильнике в 1936 году показали, что покойник сжигался где-то тут же на территории кладбища. Затем вырывалась небольшая могила, в один из углов которой ссыпались тщательно выбранные из погребального костра мелкие косточки человека. Рядом с грудой пережженных человеческих косточек помещались глиняные горшки и блюда, а также кусок конского мяса, от которого сохранились в могилах только кости. Эти дары покойнику отражают представления зауральского населения того времени о загробном мире. Стенки могилы обкладывались предварительно бревнами или камнями; сверху могильная яма также застилалась бревнами. Поверх могилы насыпался могильный холм — курган высотой от 40—50 сантиметров до метра, при диаметре 12—20 метров.

Могильники с трупосожжениями подвергались научным раскопкам преимущественно в окрестностях города Челябинска у сел Смолино, Сухомесово, Исаково, по берегам озер Смолино, Исаково и реки Миасса, а так же в Буринском районе на реке Караболке.

В других могильниках той же эпохи, как например в могильнике, раскопанном в 1938 году на озере Алакуль в Щучанском районе Курганской области, или в исследованных в начале девятисотых годов курганах № 1 у села Сосновки и № 15 у села Исакова в окрестностях Челябинска, открыты погребения с полными костяками. Могилы также обрамлялись по нижней части стенок и покрывались сверху бревнами, иногда толщиной до полуметра. Об обряде трупосожжения, существовавшем в предыдущую эпоху, напоминают в этих могилах горшки, наполненные красной краской, которая символизировала огонь. В этих могилах при костяках, лежащих на боку с подогнутыми ногами и руками, также оказываются сосуды, а на краю могильных ям — кости овец и коров, но не лошади, как в могилах с сожжением. Кроме того при костяках погребенных в большом количестве находятся различные украшения, которые при сжигании уничтожались бесследно. На

ЧЕЛОВЕК АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Реконструкция лауреата Сталинской премии М. М. Герасимова
по черепу из могильника у с. Алексеевки близ г. Кустаная.